

Павел Шушканов

ХИЛЛИНГАР

город ночных кошмаров на краю
земли

Павел Шушканов

Хиллинггар

«Автор»

2024

Шушканов П.

Хиллинггар / П. Шушканов — «Автор», 2024

Маленький городок на краю земли, место ветров, холодных скал и ледяного моря, северных сияний и необычного атмосферного явления под названием хиллинггар. И незаметно подбирающихся кошмаров, словно из самого страшного сна. В сборник вошли повести "Хиллинггар" и "Фаза сна", рассказ "Охота за багом".

© Шушканов П., 2024

© Автор, 2024

Содержание

ХИЛЛИНГАР	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Павел Шушканов

Хиллинггар

ХИЛЛИНГАР

1.ПрNкосНов3ниЕ

Есть такое необъяснимое явление – полуденный кошмар. Это странный эффект сознания, когда яркое солнце, тишина и умиротворение залитой светом равнины вселяют в тебя невыносимый животный ужас. В городке на краю земли меня посещало такое не раз, хотя ни безмятежных равнин, ни даже солнца тут толком нет. Только глубокое море и ледяные дюны. И, казалось бы, ни то ни другое не может быть неизбежной угрозой и вселять страх. Но только в первую неделю пребывания здесь я мог погибнуть четырежды, а сделал это всего один раз и вряд ли хотел бы такое повторить.

У меня не осталось ничего, кроме воспоминания о том дне, когда все закончилось. Мы сидели и пили кофе на летней веранде, припорошенной снегом, и смеялись над какой-то только нам известной и понятной ерундой. Я сидел не очень удачно – солнце светило прямо в глаза, и я почти не видел лиц своих друзей, только слышал их голоса.

– Нужно вернуться в заброшенный шахтерский поселок, – говорил я. – Пожалуй это лучшее, что мы сняли за все время. Потому что самое первое. Ну, с чего начали тем и закончим. И не надо так морщиться и подмигивать друг другу – я все еще у нас главный и потащу вас туда за шиворот если потребуется, – я засмеялся и сжал в пальцах чашку с давно остывшим кофе. Теперь скорее не она грела мои руки, а наоборот. – Ладно, сдаюсь. Вы вдвоем сильнее, но у меня все еще есть мозги. По крайней мере до тех пор, пока мы не встретили каких-нибудь зомби, разумеется. Что с вами? Чего вы застыли? – я медленно опустил чашку на стол.

Вспоминая тот последний свой день, я улыбаюсь. Шутка про зомби была удачной. Жаль, что ее так никто и не оценил. В те минуты на террасе солнечный полдень еще не был кошмаром.

В моей жизни почти никогда не происходило вещей из тех, которые принято называть жуткими и необъяснимыми, поэтому я вырос скептиком, не боящимся темноты. Почти – потому что однажды, когда мне не было еще десяти, нас разбудил громкий, но сдавленный смех где-то в глубине дома. Я помню свое заспанное лицо в зеркале, отца, застывшего посреди пустой кухни с увесистой настольной лампой в руках и перепуганные глаза мамы. Сам я все еще считал, что это сон и не испытывал никакого страха. Но все закончилось так же внезапно, как и началось. Ругнувшись на пыльную решетку вентиляции, отец отправил всех спать и на всякий случай проверил замок на входной двери. Позже, когда я вспоминал этот случай, я наткнулся на молчаливую улыбку мамы и ворчание отца, что у меня слишком плохая память и чересчур богатое воображение.

Почему-то теперь, спустя десять лет после того случая, я вспоминал родителей именно такими как в ту ночь – тревожные со следами недавнего сна. Только морщины на их лицах становились в воспоминаниях все глубже и серебряные волосы все сильнее искрились на их висках и вокруг глубоких залысин отца, которые всегда меня настораживали. Я понимал, что однажды у меня появятся такие же. Они будут все больше и светлее, пока однажды не сомкнутся на затылке посреди совершенно белой головы. Но пока в отражении стекла я видел

свою черную густую шевелюру, слегка волнистую. И на сотни километров вокруг нет ни одного парикмахера чтобы состричь этот позор.

Зато есть холодное северное море. Оно лежало серым неподвижным свинцом там за окном под таким же глубоким темным небом и по нему неспешно плыли осколки льдин. В мое бедро упиралась дорожная сумка, а стакан черного несладкого кофе обжигал пальцы. Я следил за тем, как среди льдин бесшумно движется баркас, пока не пошел крупными хлопьями снег и за окном не повисла непроглядная пелена.

– Баркас над баркасом, – сказал кто-то позади. – Смешно. Тут очень глубоко. В прошлом году такой же затонул на этом же месте,

Мне это смешным не показалось, но я молча кивнул голосу и достал из кармана толстой теплой куртки телефон. Ничего – ни звонков, ни писем. Только батарейка горит красным и неловко жмется к углу экрана одно деление сети. Тут на краю мира вообще удивительно, что есть связь. В наушнике ревел Van Halen со своим «Jump», но нахлынувшую меланхолию от вида за окном никак не разбавлял.

– А я не тебе говорю. Я так, размышляю.

Я все же обернулся. Тощий старик с жиденькой бородкой смотрел, как и я в окно на его шее дрожал острый кадык в такт глоткам холодного пива из запотевшей бутылки. Я поежился, перевел взгляд низкий потолок забегаловки, которая служила тут и столовой, и кофейней и баром. Под потолком горел желтый фонарь в железной решетке. От него деревянные полы и стены светились теплым желтым янтарем, а за окнами дрожала ледяная серо-синяя мгла. Почти никого за пустыми столами, кроме меня, старика с глупым в такую погоду пивом и троих за дальним столиком в меховых куртках. Я не видел их лиц. Они сидели тихо, надвинув капюшоны на глаза и пялились в тусклый экран ноутбука. Его свет отражался в стеклах очков того, что сидел посередине и также как и я грел пальцы о стакан с кофе.

Дверь распахнулась, нарушив теплый уют. Вслед за человеком в толстом свитере и в фуражке влетел ветер, холод и сырость. На его плечах и голове лежал мокрый снег.

– Три места на баркасе. К причалу живо, отбываем через пятнадцать минут.

Трое! Надо было подсуетиться раньше. Я с легкой завистью и неприязнью взглянул на троицу у входа, захлопнувшую ноутбук и поднявшуюся с места. Их бодрое шуршание рукавами дутых курток означало одно – я застрял тут до утра, а то и до следующего вечера. Капитан прошел мимо меня, оставляя на полу мокрые следы. Он налил себе чай из пузатого чайника и долго возился с пакетом сахара, пытаясь его открыть толстыми замерзшими пальцами.

– Почему только три? – не слишком громко, но вызывающе спросил я. Чего терять? Самое страшное – буду спать прямо тут, положив сумку под голову. Гостиниц здесь нет. Ничего нет, кроме серой крупной гальки, причала и свинцовых волн. Капитан даже не взглянул на меня. Он наконец открыл сахар, рассыпав половину на стол.

– Может еще один поместится? – без особой надежды добавил я.

– У меня грузом все заставлено. Через залив ходу полчаса, а терпеть в рубке больше троих не буду, – он хлебнул кипятку, поморщился и вытер усы ладонью. – Не влезешь ты туда, парень. Ты на баркасе хоть раз бывал?

– На грузе посижу, – уверенно сказал я.

Капитан усмехнулся, кинул в рот дешевый леденец и показал три пальца.

Черт! Я застегнул молнию на куртке и в твердой решимости не сдаваться направился к двери. Задел болтающейся на плече сумкой кого-то из троицы, но они не заметили. Я готов был вцепиться в горло любому, кто меня окликнет, но дверь со скрипом закрылась. Ветер облепил мокрым снегом мое лицо. Я едва различал темную полосу пирса перед собой, но торопливым шагом шел вперед, рискуя сорваться в воду со скользких досок.

Впереди маячил борт баркаса, а за ним лениво покачивалось ледяное море. Оставалось ждать, поглядывая на перекинутые к пирсу железные сходни, ощущая, как медленно улечути-

вается накопленное за часы ожидания тепло и промокает куртка. Все не так уж важно, если меня не оставят тут на пирсе. Всего полчаса хода, а там за проливом есть гостиница и даже не одна – я уточнял по картам, а значит будет теплая вода и крепкий сон. Глянцевый рекламный буклет показывал уютные номера, но мне достаточно сейчас было и обычной кровати. В краю, где самое редкое природное явление – обыденность, пока только это казалось настоящим чудом. Я закинул сумку за спину, нацепил лямки на плечи и бьющий по лопаткам ветер стал не таким ощутимым.

Капитан шел по пирсу, а за ним семенила троица. Я влез на борт, скинул сумку пол ноги и принялся ждать громких возражений, но капитан прошел мимо. Он взялся за трос и принялся отматывать его от покрытого снегом столба. Троица встала в паре шагов от меня. Они о чем-то разговаривали, затем обнялись. Прикрывая лицо рукой, невысокий человек в капюшоне поднялся на борт, остальные неспешно двинулись обратно с желтым окнам, из которых лился на пирс теплый свет.

– Тебе билет выдать или что? – буркнул капитан.

Баркас заурчал мотором и медленно двинулся в воды пролива. Я не спешил заходить в рубку, чувствуя себя паршиво и неловко. Присев на край коробки, накрытой плотным грязным брезентом, я смотрел как удаляется берег и скрываются в снежной дымке желтые окна. На темно-синем, почти черном небе виднелись очертания высоких дюн, за которыми лежала почти бесконечная равнина. Действительно край мира. Сказал бы мне кто-то полгода назад, что я окажусь здесь, когда сквозь окна смоленской кофейни я смотрел на залитую солнцем кладку крепостной стены, я сказал бы что моя тяга к северу заканчивается стрелкой Васильевского острова. Но север на то и север – его всегда мало. Не помню на каком сайте я прочитал про это место – городок среди льдов, где постоянно виден мираж хиллинггар – невозможная и в тоже время притягательная для каждого путешественника точка на карте.

Холодный ветер пробирал до костей. Тут не так страшны морозы, как ветра – по крайней мере это писал каждый первый путешественник. И я напишу, если не слягу с пневмонией в месте далеком от нормальной медицины. Я продолжал жаться от холода и изредка поглядывал на окно рубки. Видел седой косматый затылок капитана над высокой горловиной свитера и руки на замотанном синей изолентой штурвале. Избавившийся от капюшона пассажир оказался девушкой. Она сидела вполборота ко мне, и я видел только остриженные до плеч каштановые волосы и кончик носа, на который норовили сползти очки. Прекрасно! Я снова почувствовал укол совести, но порыв ветра добавил еще как минимум миллион холодных игл, прошедших насквозь.

Это был странный порт, да и не порт вовсе – такая же пристань, как и за проливом, только чушь шире. За ней двухэтажное здание, сложенное из кирпича и бревен. Во окнах второго – бревенчатого этажа горел яркий свет, в котором бешено вертелись снежинки. К высоким холмам жались еще несколько домов и радиовышка, но сквозь снег их почти не было видно.

К счастью, здание оказалось гостиницей, пусть и не такой, к которым я привык. На первом этаже было темно. В свете фонаря, лившемся из окна, застыли пустые деревянные столы. Я расстегнул куртку, впуская под нее тепло фойе. Впрочем, фойе – слово громкое. Скорее – толстые стены, наполненные теплом, за которыми можно спрятаться от вездесущего пронизывающего ветра. Я долго пытался отыскать в полумраке стойку администратора, все время натываясь на небольшой, но уютный бар, пока не понял, что это она и есть. На стойке закипал электрический чайник. Рядом беззвучно мерцал белым экраном старый кнопочный телефон. В книге посетителей на этот день была заполнена лишь одна строчка – Анна Стрельникова. Видимо ее администратор отправился провожать вместе с багажом куда-то в недра здания. Не

задержись я на пристани, вглядываясь в затянутый туманом горизонт, на котором где-то за облаками скрывалось то, ради чего я сюда прибыл, мое имя, возможно было бы первым.

Администратор вернулся через пару минут. Он был удивительно худым, что проглядывало даже сквозь толстый пуховик – из воротника торчала тощая шея. Впалые, выбритые до синевы щеки и маленький подбородок завершали образ. Он спрятал телефон, достал из глубин пуховика ручку и попросил паспорт.

– Ждан Сергеевич? – неуверенно спросил я, сомневаясь либо в моей фотографии, либо в том, что правильно почитал имя.

– Верно.

– Надолго к нам?

– Пока не надоест.

Он усмехнулся и вздохнул каким-то своим мыслям. Видимо слышал подобное уже очень много раз.

– Номер на одного, так понимаю. Остался только один и без вида на море.

Я пожал плечами.

– Мне все равно.

– Завтрак в восемь, – он протянул мне старомодный железный ключ и паспорт. На бирке красиво черточками в виде оленьих рогов была выведена семерка.

– Багаж? – спросил он, потянувшись через стойку и заглядывая мне под ноги.

– Ничего нет. Я сам багаж.

Я поднялся на второй этаж, постепенно ощущая, как отступает накопленный в теле холод. Там было светло. Широкий коридор, в который выходили четыре одинаковых деревянных двери. Под моей не было коврика – вместо него кто-то постелил вырезанный квадратом кусок шубы.

Номер оказался на удивление неплохим, хотя обошелся совсем недорого. За куда меньшие номера в городах по пути сюда просили почти вдвое больше. Я бросил сумку на узкую кровать, застеленную толстым теплым пледом, занавесил плотной шторой окно, скрыв безрадостный снежный пейзаж. В комнате остались только теплый свет люстры, отражаемый лакированными бревнами стен и запах дерева и соли. Хозяин постарался и сделал номера тематическими. Мой был морским. В углу застыл настоящий якорь, на который я повесил куртку. Картины бушевали зеленью волн и сияли голубизной штилей. Большой деревянный компас на краю стола скорее всего был исправен и указывал стрелкой на слепую стену, к которой был приделан старомодный штурвал. Что ж, по крайней мере нет гамаков под потолком – уже хорошо. Вместо гамака обычная кровать, пахнущая теплой шерстью.

Наверное, мне следовало лечь и проспать до утра, отдыхая от долгой дороги. Не вместе с ощущением тепла вернулось любопытство. И чувство голода тоже. Вполне возможно, что в баре в такой час нет уже никакой еды, но все равно шансов было больше, чем найти съестное в моей сумке. Я сменил свитер на кофту, прислушался к звукам за стеной – там кто-то включил телевизор и торопливо убавил звук, сунул ноги в ставшие ненавистными холодные ботинки и отправился вниз.

В баре горела одинокая лампа в углу над столиком у окна. Девушка с тонким ноутбуком смотрела в экран и пила горячий чай из большой кружки. Возле нее лежали на тарелке два наспех сделанных бутерброда – неровно порезанная колбаса на толстых кусках хлеба. На удивление аппетитно выглядело и я взял такой же. Мелочи в кармане хватило и на стакан кофе без сахара. Я опустился за соседний столик. Девушка бросила на меня равнодушный взгляд и вернулась к ноутбуку. В ее очках плясали строчки текста и цветные картинки. Она покусывала губы и торопливо открывала, и закрывала страницы. Я приветственно поднял стакан с кофе и улыбнулся. Она снова бросила на меня взгляд.

– Предлагаете мне свой кофе или хотите познакомиться? – спросила она, свернув очередную страницу и быстро забарабанив пальцами по клавиатуре ноутбука.

– Я уже с вами знаком, – сказал я. – Вы Анна. Так было написано в журнале регистрации. Она пожала плечами.

– Да, это я. А вы – парень, который пытался оставить меня ночевать на пирсе, верно?

В другой день я опустил бы стаканчик и перестал улыбаться как идиот, а задорное настроение стыдливо уползло бы под серый камень, обосновавшийся на душе. Но не сегодня. С прибытием сюда на край света пришла какая-то странная эйфория и удовлетворение от того, что долгий путь наконец закончен.

– Да, это был я. И если вам интересно – мне правда очень жаль.

Она рассеянно кивнула, глядя в монитор. То ли приняла скупое извинение, то ли соглашалась со мной.

Я уставился в непроницаемую ночь за окном. Снег прекратился. Теперь где-то там колыхалось ледяное море, ворочая льдинами. Небо скорее всего затянуто тучами, так что вряд ли фата-моргана появится завтра. Можно доедать бутерброд, пожелать неразговорчивой собеседнице спокойной ночи и отправляться в номер, чтобы спать пока не надоест. А потом... Так далеко в своих планах я не заглядывал.

– Можно вас на секунду?

Мне не послышалось – Аня просила подойти и присесть рядом. Она слегка развернула ко мне ноутбук.

– Прочитайте это. Пожалуйста.

Я придвинулся к ноутбуку и побежал глазами по тексту, спотыкаясь на редких опечатках. Сначала решил, что это история вроде коротких рассказов, которые отправляют на бесплатные литературные конкурсы, не сильно рассчитывая на победу, но огорчаясь по поводу каждого отзыва. Но потом понял, что это заготовка для поста. Девушка вела блог. И это очевидно – из-за краешка документа выглядывало окно браузера, а в нем страница вполне узнаваемой платформы дневников. Да и кроме того – кто в здравом уме поедет сюда на край света за фата-морганой, прихватив только ноутбук вместо десятка теплых свитеров.

История была отдаленно знакомой – об отеле-убийце, который вроде бы даже существовал в действительности больше века назад в Чикаго. Сухие факты причудливо сплетались с домыслами и версиями, отмеченными тут курсивом, и статья походила не на страницу из подробной, но скучной энциклопедии, а на короткий и погружающий в лабиринт неоднозначности суждений детектив. Я остановился на последнем абзаце, пока, не читая его, взглянул на Аню. Она теперь была совсем близко, и я видел ее серые прищуренные глаза под стеклами очков и тонкий прямой нос. Она пристально смотрела на меня, недоверчиво поджав губы. Мне это показалось смешным, как кажется забавным рассерженный ребенок.

– Ну как?

– Это очень неплохо, Анна! – не соврал я. – Я слышал об этом месте и вроде бы его уже нет, но то, как ты об этом пишешь...

– Это полная чушь. Я понимаю.

Я ожидал, что она захлопнет крышку ноутбука и торопливо направится к лестнице, обдав меня потоком прохладного воздуха и гнева. Но она просто смотрела в монитор, как-то обреченно, с жалостью и неприязнью к собственному тексту, но при этом еще не утратив надежды что-то в нем изменить или исправить.

– Текст хороший, – осторожно сказал я, понимая, что скорее всего Аня не ответит, погруженная в редактуру.

– Нет. Он вторичен.

Успокаивать я не умел, да и вряд ли Аня нуждалась в этом. Сделав глоток кофе, я уставился в окно. Снег прекратился. Теперь там было немного светлее – белый заснеженный пирс

отражал свет фонарей. На баркасе горели огни. На его палубе сустились какие-то люди в плащах, хотя разгрузку уже давно должны были закончить. Прочертив дугу, сверкнул огонек сигареты туда, где покачивался на волнах и ударялся о пирс моторный катер.

– Там что-то происходит, – сказал я.

Аня оторвалась от текста, удивленно взглянула на меня, словно не ожидая, что я все еще сижу рядом.

– Там, на пирсе, – уточнил я, указав стаканом на окно.

Она поправила очки.

– Как тебя зовут?

– Если это вопрос вежливости, то я лучше промолчу, – ответил я.

– Думаю, мы тут надолго. По крайней мере я. Мне же надо тебя как-то называть.

Она была права, а я снова почувствовал себя дураком.

– Ждан.

– Что, прости? – не расслышала или не поняла она.

– Меня так зовут. Ждан.

Смеяться она не собиралась. Только убрала в сторону ноутбук, не закрыв крышку и теперь смотрела на меня, положив подбородок на скрещенные перед собой пальцы. На ее безымянном пальце поблескивало тонкое золотое кольцо.

– Редкое имя. И необычное.

– Настолько редкое и необычное, что я его ненавижу.

– Так поменяй, – пожала плечами Аня.

Я не удержался от смеха.

– Так просто? А как же утешать меня и говорить, что оно прекрасно?

Аня улыбнулась.

– Ты не слишком спешил с утешениями насчет моего текста.

Все верно. Эта девушка определенно начинала мне нравиться. Хотя абсолютно не в интимном смысле, а скорее в каком-то профессиональном. Я подумал о том, что это видимо потому, что я сперва увидел ее текст, а не, например, грудь. Я с трудом подавил смех.

– Что с тобой?

– Имя. Оно действительно странное.

– Только заметил? – Аня тоже взглянула в окно, за которым мелькали тени. – Сколько тебе, лет двадцать пять?

– Двадцать.

– Значит мне положено видеть тебя в слюнявчике и пинетках. Я на год старше.

Я усмехнулся.

– Я не собираюсь на тебе жениться – ты только имя мое узнала. И, тем более – ты уже замужем.

Аня покусала губу и прикрыла кольцо другой рукой. Мы некоторое время смотрели в окно, и на этот раз мне почему-то совсем не было неловко. Аня оскорбленной не выглядела, скорее задумчивой.

– Там действительно что-то происходит.

Кофе закончился. Темы тоже. Пришло время неловко раскланяться и вернуться в номер.

– Я был поздним ребенком, – сказал я. – Очень поздним. И единственным. Ну и, разумеется, долгожданным. Ничего лучше, чем выбрать для меня это имя, родители не придумали.

– А как же продумать наперед лучший частный садик и лицей, элитный вуз и престижную работу? – без намека на иронию спросила Аня.

– Ты как будто живешь моей жизнью.

Она внимательно смотрела на меня.

– Ну, хвастайся. Кто ты? Юрист, дипломат, финансовый аналитик, инженер-технолог?

– Никто, – я залпом допил холодный кофе. – Школьный аттестат и полтора года скитаний по городкам вроде этого. Хотя нет, в таком я впервые.

Аня продолжала внимательно разглядывать меня сквозь очки и уже с куда большим интересом. Я заметил, что стекла ее очков никак не искажают контуры по краям – наверняка простые, для красоты.

– Так ты странник. Я бы сказала, что путешественник, но путешественник – тот, кто сорит родительскими деньгами, держит дорогую плоскую «мыльницу» на шнурке и начинает каждый разговор с фразы – вот прошлой осенью на Манхеттене... Но твоя куртка явно не из гипермаркета «Все для туриста», да и телефон вряд ли доживет до лета.

– Это имеет значение?

– Никакого. Просто упражняюсь в логике – развиваю детективный навык. Так на что ты путешествуешь? Точнее – странствуешь.

Я развел руками. Все правду говорить не следовало, но часть менее постыдной звучала неплохо.

– Веду трэвел-блог. Ищу бесплатный wi-fi, чтобы не платить за интернет, на вокзалах в кофейнях, из которых редко выгоняют. Если писать убедительно и интересно, то донатов и денег с рекламы хватает чтобы изредка менять города и покупать себе новые джинсы, – последнее прозвучало не слишком убедительно, но Аня заинтересовалась первой частью короткой истории.

– Значит, интуиция у меня есть. Не зря я решилась попросить тебя взглянуть на текст. Догадывалась, что ты в этом профи.

– А ты?

– Я – бездарность, – она слегка подалась вперед заинтересованно, уместив подбородок на переплетенных перед собой пальцах. – Расскажи еще про себя.

– Тебе правда интересно? Я фанат восьмидесятых. Особенно музыки.

– И этому, конечно, есть причина?

– Нет, – я отогнал пульсирующий в голове неоновый свет. – Вообще никакой.

– Может и мне стоит послушать?

Я погрозил Ане пальцем.

– Предупреждаю. Ты открываешь ящик Пандоры.

Она засмеялась.

Возня снаружи теперь отдавалась громкими звуками. Из-за плотно прикрытых дверей и толщины окон доносились голоса, переходящие на крик. Я заметил, что по пирсу бегут люди. Они тащили что-то тяжелое и двигались осторожно, подогнув колени. Еще двое торопливо следовали за ними, запахнув теплые куртки.

– Может им помочь? – спросила Аня.

Я не успел ответить. Распахнулась дверь и в нее мгновенно ворвалась промозглая сырость и ветер. В проем ввалились две мокрые от снега спины.

– Стол! Давайте на стол! – хрипло командовал кто-то за ними. Администратор вынырнул из-за стойки, хотя я был уверен, что он крепко спит, и откинул от стола деревянные стулья. Они с грохотом полетели на пол.

– Сюда!

Что-то темное, мокрое, завернутое в шубу опустили на стол. Распрямившись наконец, трое носильщиков принялись стряхивать с себя остатки мокрого снега.

– Да закройте же дверь наконец!

Возможно, что последнее даже я крикнул. Или громко подумал. Но дверь закрыли. В помещении оказались еще пятеро, кроме нас с Аней и администратора. Одного я уже знал – капитан баркаса, только на этот раз в пальто поверх свитера. Он сердито вытирал крупные

талые капли с усов и короткой бороды и попросил воды с лимоном погорячее, на что администратор отозвался грохотом чайника.

– Тащите одеяло и запасную одежду, если есть, – скомандовал он. – Переохлаждение – штука неприятная. У меня тоже будет, если чертов чайник не начнет закипать.

Только сейчас я понял, что на столе лежит человек, скрючившийся от холода и наполовину завернутый в шубу. Он не двигался и наверняка был без сознания. На пол капала вода. Я подошел ближе, влекомый скорее любопытством, чем искренним желанием помочь. Что делать в таких ситуациях я не знал. Бедолага на столе слабо шевельнулся. Он был весь мокрый – к впалым щекам прилипли длинные волосы, на узком горбатом носу красовалась рана с почерневшими краями – возможно он был даже сломан.

– Давайте снимем с него мокрую одежду, пока он еще живой, – отозвался парень в синей дутой куртке, все это время вытиравший руки сухим полотенцем. Прозвучало неоднозначно и зловеще, но он не обращался именно ко мне, поэтому я отошел в сторону, пропуская вперед добровольцев. Пока мокрая одежда летела на пол, я внимательно изучал внезапно нагрянувших в фойе отеля людей. Итак, капитана баркаса я уже знал. У парня в дутой куртке было широкое лицо и имя Максим – по крайней мере так его звали остальные. Он не выглядел любителем командовать, но при этом точно знал, что делает, орудуя большим ножом, принесенным с кухни. Только потом я понял, почему мокрые свитер и джинсы нельзя было просто стянуть. Ему помогал безымянный мужчина средних лет с седыми висками. Он был молчалив и сосредоточен. Еще один незнакомец, одетый в легкомысленное пальто, безучастно, как и я, стоял в стороне и вертел в руках сигарету. У него были высокие залысины, несмотря на то что выглядел незнакомец совсем молодо. Сжав тонкие губы в полоску и едва заметно поигрывая гладко выбритыми скулами, он переводил взгляд с бедняги на столе на меня и обратно. Не осуждал, скорее изучал. Из-под широкого воротника выглядывал ворот голубой рубашки. Последней была девушка в полурасстегнутой куртке. Она терялась в толпе высоких мужчин, прижимала руки к груди шмыгала розовым от холода носом. Она мне нравилась. Ее светлые волосы были собраны в короткий хвост, в слегка оттопыренных ушах поблескивали янтарные сережки. Человек на столе был ее братом, но об этом я узнал позже. Сначала раздался голос Максима.

– Вы заметили, что он ранен? Аккуратнее с одеждой и несите бинты!

Ранен? Все это время я полагал, что его выловили из воды. Кто-то коснулся моего плеча. Я обернулся и совершенно естественным жестом погладил пальцы Ани.

– Похоже, что не такой спокойный городок, как кажется, верно?

Она едва заметно кивнула и сжала мою руку сильнее. Я понял, что она видит то, что скрывает от меня спина Максима и подался вперед.

Парень еще не пришел в себя. Он слабо шевелился, а девушка с коротким хвостом крепко сжимала его пальцы. Он действительно был ранен. На правом боку под ребрами виднелась неглубокая овальная рана, словно бедолага упал на работающую буровую коронку. Еще одна такая же, но глубже, оказалась на плече.

– Минога, – уверенно сказал капитан. Он пил горячий чай из огромной кружки. Его борода утопала в клубках пара.

– Похоже, – Максим попытался стынуть края раны пальцами. Затем открыл флакон с перекисью, который сунул ему вместе с бинтами администратор. – Но не минога. Пока без сознания, буду шить. На всякий случай держите его.

Все происходящее казалось мне нелогичным и очень неприятным сном. Администратор, словно спохватившись, обнял меня за плечо и слегка подтолкнул в сторону лестницы. Ани уже нигде не было видно.

– Идемте. Тут много людей и мало света. Вы мешаете.

Я не сопротивлялся. Только обернулся на парня на столе. Его укрывал до живота толстый плед, а вокруг бурыми кучками лежали обрывки мокрой одежды. Мне показалось, что он открыл глаза.

– С ним все будет хорошо, не переживайте.

– Может стоит отвести его в больницу?

– Разумеется. Утром.

Я удовлетворенно кивнул и пошел вверх по лестнице. Вскоре толпа, Максим с тонкой сверкающей иголкой и девушка с коротким хвостиком скрылись из виду.

Минога. Что-то знакомое и неприятное. Вроде бы какая-то рыба и люди даже ее едят. Или, наоборот. С этой мыслью я уснул.

А утром все забылось как суетливый и не слишком приятный сон.

2.СмОтрN нА мНраЖ!

Когда я вдруг понял, что хочу стать писателем, мне едва ли исполнилось тринадцать. Я прогуливал уроки ради школьной библиотеки и восторженно смотрел в суровые лица авторов, смотрящих блестящими глубокими глазами с гляцевых обложек. И вглядывался в них так долго, пока сам отчаянно не захотел стать одним из них. Ведь как не крути земной шар, не найдешь на нем профессии лучше, чем писатель. Рассказать о всех трудностях этого ремесла мне было некому, кроме, собственно, тех, кто уже достиг высот и разговаривал со мной с пожелтевших страниц старых книг. Спустя пять лет я покинул большой дом родителей в маленьком уютном городке и перебрался в самый задрипанный район областного центра. В моей сумке лежал только новый ноутбук, школьный аттестат и немного денег. Меня ждал филологический факультет, серьезный разговор с отцом и славная писательская карьера, но для начала – разговор с хозяйкой маленькой пыльной комнаты в общежитии.

– Интернет подключите сами, если нужен. Кастрюли найдете на кухне. Оплата лучше наличными – я буду приезжать. Надумаете менять замок – занесите ключ. Я бы поменяла.

Прикрыв за собой хлипкую дверь, она ушла, на ходу пересчитывая деньги. Я остался в узкой комнате с желтыми обоями и огромными пыльными шторами под потолок, а которыми прятался балкон. Диван, стол и два стула – красота! Даже нет нужды в общей кухне. О соседях я пока ничего не знал, но надеялся, что про смену замка хозяйка пошутила.

Насколько минут я лежал раскинув руки, наслаждаясь ощущением от новой жизни и собственного, хоть съемного жилья. Телефон впивался мне в бок и укоризненно подсказывал, что пришло время позвонить родным и отчитаться, что все хорошо. Разумеется, о том, что вместо просторной квартиры в центре в высотке я снял комнату в не самом благополучном районе, как полагается начинающему писателю, знать им было незачем. По крайней мере пока. Поэтому, некоторое время разглядывая запись «мама» в телефонной книжке, я пролистал список в самый верх и выбрал имя «Артур».

– Добрался, обустроился? – спросил сиплый голос.

– Привет, Артур, – ответил я. – Тебя почти не слышно. Ты в пещере?

Артур замолк, потом в трубке раздались щелчки и треск.

– Сейчас, подожди... А так?

– Немного получше. Опять пытаешься обмануть систему и наколдовать бесплатную связь?

– Почти угадал. Сейчас перезвоню и поговорим как типичные рабы общества потребления.

Артур позвонил через минуту. Удивительно, что не через час и вообще перезвонил – особой пунктуальностью он не отличался.

– Ты уже в городе или звонишь сказать, что бросил эту идею насчет универа и будешь работать курьером в фирме отца?

– Я звоню сказать, что не видел тебя почти два года и хорошо бы это исправить. И если ты все еще называешь себя моим другом, то хватай себя за шкуру и тащи сюда.

Артур пощелкал в трубку языком.

– Я нашел тебя на карте. Район так себе, да и вечер скоро – не хотелось бы потерять только что отремонтированные зубы.

– Так приедешь или нет?

В трубке повисла долгая пауза. Затем ее прервал тяжелый вздох.

– Ну, разумеется, приеду. О чем речь. Встречай.

С Артуром я дружил класса с пятого и это предавало мне уникальности – я был единственным в школе, кто оказался способным с ним дружить. Даже его привычку совершенно игнорировать личное пространство: вести записи в моем блокноте, пользоваться моими почтой и телефоном и выписывать свои компьютерные журналы на мой адрес я воспринимал терпимо, хоть и не собирался к этому привыкать. На просьбы не записывать контакты в мою адресную книгу в телефон и наконец купить себе ежедневник он отвечал непонимающим рассеянным взглядом, брал книгу в школьной библиотеке и некоторое время пользовался ее полями и форзацем. Из других странностей было то, что он тоже дружил со мной, хотя нас практически не связывали общие интересы. После девятого класса он отправился в поварское училище в город, бросив меня одного грудью на орду репетиторов и бесконечных тестов. Сейчас настала моя очередь наконец искать место в жизни, которое, по мнению отца, было в экономике или юриспруденции, а по моему скромному мнению – в уютном кафе с дождливым окном и ноутбуком, в котором буква за буквой рождалась бы очередная шедевральная книга.

Зная Артура не первый год, раньше, чем через полтора-два часа я его не ждал. В это время можно было уложить свой первый сознательный поход в магазин с собственноручным списком покупок. Я выглянул в окно. За грязным стеклом, под которым скопилась куча высохших насекомых, сияло летнее солнце, заливая зноем широкий двор. Ленивая шпана загорала на лавках, поплеывая шелуху от семечек под ноги. Разморенные жарой собаки лежали в редких островках жухлой травы, подставив солнцу свалывшиеся бока. Блеклая вывеска магазина выглядывала из-за угла дома. Сам дом – старое заводское общежитие, пережившее завод, стояло кирпичным крестом между бетонным забором промзоны, гаражами и редким леском, за которым шумел проспект. Хуже места не представить, особенно для вечерних прогулок. Я улыбнулся про себя. Конечно, не отель «Флорида»¹ и из пушек его не обстреливают, да и я не Эрнест, но для начала вполне годится.

Сонная продавщица взглянула на шесть бутылок портера, на меня и паспорт, затем предложила пакет.

Артур пришел с пустыми руками. Попросил помыть ему кружку, потому что «на общую кухню он ни ногой», будто не мыл ежедневно посуду в месте похлеще после сотен посетителей.

– Это несерьезно, – сказал он после первого же глотка. – Нет, я не твой папа и не говорю, что ты должен протирать штаны в офисе или мотаться по заграничным командировкам на частном самолете. Хочешь марать бумагу – делай. В конце концов – за мной должок.

– Чего это? – не понял я.

¹ Свою пьесу «Пятая колонна» Эрнест Хемингуэй написал в отеле «Флорида» в Мадриде под артиллерийским обстрелом в период гражданской войны в Испании.

– Не ты ли убедил мою маму, что мне не нужен десятый класс и поварское училище – лучшее, что со мной случится в жизни? Пожалуй, ты входил всегда в тройку людей на земле, которых она слушала.

– Допустим, – не стал спорить я.

– Так я вот о чем, – Артур вдруг насторожился. – Подожди!

На улице кто-то присвистнул. Потом послышался быстрый топот по изъеденному непогодой и временем крыльцу. Я отдернул занавеску – заметил только яркую белую куртку, скрывающуюся в подъезде. Двое зашли следом.

– Ну и район, – поморщился Артур. – Я вызову такси прямо на второй этаж к твоей двери.

– Ты не уходи от темы, – напомнил я.

– Точно. Так вот, тут не столица и не вторая столица, ты не поступаешь в литературный институт, а обычный филфак из тебя второго Сэлинджера не сделает, максимум учителя литературы и русского в провинциальной школе.

Неприятная мысль о том, что он прав засела в голове.

– И что ты предлагаешь?

– Я ничего не предлагаю, – Артур соорудил философско-обиженное лицо. – Я навожу на мысль. Чем богат настоящий писатель? Богатым жизненным опытом или искусством про-ставления запятых в тексте? Ты должен прожить то, о чем будешь писать, понимаешь? – он склонился над столом и говорил уже в полголоса, но я слушал через слово. – Нормальный диплом, круг общения, работа, поездки, командировки. Понимаешь? Деньги неплохие, а это возможности. Лаос, Мадагаскар, Исландия. Знакомства, отношения... Понял к чему веду?

Гениальная мысль вспыхнула в моем мозгу и спалила первую неприятную.

– Артур, ты гений!

– Ну так..., – он довольно откинулся на спинку дивана.

– Артур, я накоплю багаж жизненного опыта – не унесешь. В черту литфак. Я буду путешествовать и вести трэвел-блог.

– А! Да чтоб тебя!

Рассвет был ранним, но я его проспал. Проспал я и завтрак. Небо было затянуто облаками. Море лежало за окном свинцовой гладью, а на близком пирсе искрился белый ровный снег. Я рассчитывал увидеть за одним из столиков Аню, но внизу было пусто. Беспорядок после странной ночи убрали, стол вернули на место. Даже пол блестел чистотой.

– Могу предложить бутерброд, – сказал администратор. Я продолжал про себя звать его так, хотя на белом выцветшем бейджике, оставленном на столе, значилось – Борис Борисович. Надо привыкать к именам, а не к ярлыкам. Тем более, что я тут надолго, а администратор гостиницы совмещал еще много должностей, включая повара. Оценить этот его навык я не успел, но на бутерброд согласился.

– Борис Борисович? – уточнил я.

Он неуверенно кивнул и полез в маленький холодильник. На его столе, усеянном крошками и кругляшками бумаги от сломанного дырокола лежала яркой обложкой вверх мятая книжка – «Загадки цивилизаций докембрия». Шапочки из фольги поблизости видно не было. Борис Борисович победно извлек новый батон колбасы и начатый пакет майонеза.

– Без майонеза, если можно, – сказал я. – А вы не видели, не спускалась ли девушка, с которой мы заехали одновременно? Анна.

Борис Борисович пожал плечами. На нем был яркий свитер с мордой медведя, и медведь на короткий миг вытянул морду. Борис Борисович нарезал колбасу на щедрые кругляшки.

– Не видел. У вас жителей «большой земли» завтракать не принято, я так понял, – он говорил не укоризненно, просто, казалось, делает себе пометку на будущее. – Может пара жареных яиц – все что я могу предложить, но у нас маленький отель. Есть еще один, на краю поселка возле скал. Он больше, и туристы в основном едут туда, – последнее он произнес с легким сожалением. – Зато они могут предложить телескоп на террасе и полный пансион.

– Я не собираюсь съезжать, – заверил я.

Борис Борисович промолчал, но кажется, был удовлетворен.

Я забрал огромный бутерброд, неожиданно оказавшийся бесплатным.

– Вы ведь тоже приехали посмотреть на хиллинггар?

– А сюда едут за чем-то еще?

– У нас красиво. Ночами бывает северное сияние, но нечасто, а на берегу..., – он вдруг спохватился и убрав книжку принялся оттирать стол от крошек. – Да, хиллинггар – это главное, конечно.

Борис Борисович налил мне чай в большую кружку и вернулся к книжке, что-то бубня под нос.

– Интересно? – полюбопытствовал я.

Он взглянул на обложку, будто увидел ее впервые.

– Тоже интересуетесь? Могу предложить, как дочитаю.

– Может позже, – я подался вперед и навис над стойкой. – То, что вчера тут произошло...

Мне же это не показалось? Того парня погрызли какие-то редкие твари?

Борис Борисович умело делал вид, что не слышит меня. Он слегка кивал, словно соглашался и напевал под нос мелодию собственного сочинения.

– Тот парень, – напомнил я о себе. – Вы знаете его? Что с ним случилось?

– Несчастный случай, – он говорил настолько уверенно, словно пытался убедить в этом не меня, а себя. – В море упал.

– А как же раны? Это действительно были миноги?

– Не силен в этом, не силен... Еще чая?

«Миноги», – записал я телефон. Уже что-то. Все же с этого городка можно надавить куда больше, чем пара фотографий миража. А значит в этой лотерее я если и не взял джекпот, то еще один бесплатный билет точно!

В приподнятом настроении я направился к столику у окна.

После позднего завтрака, я решил наконец выбраться из отеля и осмотреться. Ани все еще не было видно и за ее дверью царил тишина. Я надел просохшую за ночь куртку и теплые носки – единственное что в маленьком комплекте одежды оказалось действительно полезным здесь. Борис Борисович проводил меня шуршанием страниц.

Никогда прежде я не думал, что однажды окажусь здесь. Начинаящий путешественник обычно грезит вершиной Эвереста, Тадж-Махалом и зелеными горами Новой Зеландии, но на деле начинает с гранитных набережных северной столицы, в которых теряется на несколько насыщенных недель, а потом фотографирует облезшие стены и желтые купола монастырей в провинциальных городках и постоянно порывается то на Байкал, то к руинам кавказских крепостей. И я не был исключением. Из каждого городка я отправлял домой по открытке без обратного адреса, продвигаясь все дальше на север, пока не оказался здесь. Скорее всего я застрял бы в районе Пскова и вернулся в ставший родным Смоленск, если бы не рассказ случайного путника на вокзале о миражах, которые можно увидеть только здесь. Он энергично ковырял вилкой остывший омлет и ел так быстро, словно это был его первый обед за неделю, а я лениво потягивал невкусный и неоправданно дорогой вокзальный кофе. Он говорил, что

хиллинггар – то, что действительно нужно увидеть. И сфотографировать, если получится. А потом отправить в журнал. На этих словах он сунул мне мятую визитку, которой я заложил мягкий томик Мураками. Потом он молча доел и нарисовал мне карту прямо на обложке моей книги вместе с графиком движения поездов и автобусов. С середины пути предлагалось продвигаться нерегулярным транспортом, в который входил и баркас до полуострова.

Вспоминая странного путника, я смотрел на холодные камни и нисколько не жалел о том, что добрался досюда. Пусть мираж и не увидать, когда небо затянуто облаками, но так и мне спешить некуда. За пределами этого места – только желтые купола, мечты о Байкале и кофейни Смоленска – это я знал точно и осознавал почти что с грустью. Хотя и тут не выйдет остаться навсегда. Короткое лето быстро пойдет, а за ним придет зима, похожая на вечность.

Я вдохнул полной грудью морозный воздух и оставив за спиной стены отеля направился к городку, загребая ногами снег.

Городок был совсем небольшим – домов двадцать, пара отелей и пристань. Все необходимые для жизни места вроде единственного магазина и аптеки прятались прямо тут на первых этажах невысоких зданий, не сильно привлекая к себе внимание излишними вывесками.

Городок был не только маленьким, но и на удивление скучным. Две его улицы я обошел трижды за полчаса, купил в номер пакет сладких сухарей, оказавшийся неожиданно дорогим, и отправился в сторону моря. Одна узкая дорога вела обратно к пристани, другая тянулась к высоким скалам, под которыми блестел синими окнами двухэтажный, похожий на коробку с косыми стенами отель. Мне казалось, что тут должно быть что-то привлекательное и заманивающее вроде побелевших от времени и ветра костей огромного кита на берегу или выброшенного на скалы остова ржавого корабля. Но тут были только скалы. И табличка об охраняемой территории. Я прошел вдоль ограждения и вышел на каменистый берег. Желто-зеленые камни лизала тяжелая холодная вода.

Борис Борисович говорил о красоте. Пожалуй, он был прав. В промерзшем каменистом берегу и ледяных волнах, накатывающих на него как потоки вязкой смолы было свое очарование. Наверное, я всеми силами пытался себя убедить, что поездка сюда не была напрасной тратой последних денег и времени, но пока ничего не говорило об обратном. Первое впечатление от ледяного моря не успело растаять, а на него наслаивались как волны новые и новые – тишина, безмятежность и холодная красота побережья. Конечно, все забудется дней через пять, а после первого созерцания фата-морганы – возможно сразу. Но пока я наслаждался тишиной и спокойствием. Правда недолго. Шорох гальки я услышал одновременно с негромким окликом.

– Ждан Сергеевич!

Я обернулся. Вчерашний долговязый незнакомец к пальто смотрел на меня с возвышенности на берегу. Он все еще был в пальто и больше ничего не говорил. Просто произнес мое имя, словно совершил какой-то свой личный и при этом довольно древний ритуал. Он смотрел на меня так же пристально как вчера, подставив лицо ветру. Поднятый воротник закрывал его уши, но это не спасало. На коротко подстриженной голове не было никакого головного убора. Он выглядел довольно странно.

– Вы мне? – спросил я и тоже стал выглядеть странно. Вопрос не имел смысла. Вряд ли в городке с двадцатью домами жителей через одного зовут Ждан Сергеевич.

Он спустился с пригорка. Руки держал в карманах. Его глаза слезились, но от ветра или простуды – понять было невозможно.

– Вы в отель? Я составлю вам компанию.

В отель я не спешил, но спорить не стал. Мы неспеша побрели по изогнутому дугой берегу, усеянному мелкой галькой.

– Вы меня опередили. Я планировал увидеться с вами в гостинице и даже направлялся туда, но так даже проще.

– А вы...?

– Олег Стефанович.

– Степанович?

– Стефанович, – поправил он. – Крайчек. Участковый уполномоченный.

Я серьезно кивнул, посмеялся про себя, но не слишком скрыто.

– Вы улыбаетесь, – заметил Крайчек.

– Да, извините. Вы вроде бы как следователь. И ваше пальто...

Он закурил.

– Я не следователь, я участковый. А что не так с моим пальто?

– Ничего. Все в порядке. Вы хотели поговорить со мной?

– Верно, пока просто поговорить, – он говорил неспешно, и его сигарета потрескивала в тишине. – Что вас привело сюда, Ждан Сергеевич? То же, что и других? Решили взглянуть на редкое природное явление?

– Если это незаконно, я немедленно уеду обратно домой, – сказал я.

Иронии Крайчек не понял.

– Вы знали раньше гражданина Ливанова?

Я непонимающе развел руками.

– Того раненого человека, которого выловили из моря вчера ночью.

– И которого покусала рыба-паразит? Я думал, что все это мне приснилось. Хотя, тогда я бы не знал в лицо вас.

– Миноги не живут в море, особенно в Баренцевом и точно не нападают на людей. Мы еще не установили, что именно произошло с пострадавшим. Просто, если он вам знаком – лучше сказать мне сразу.

– Где он сейчас? – спросил я. – С ним все в порядке?

Пирс с пришвартованным баркасом был все ближе. Из-за невысоких дюн появился угол моего отеля. Над ним клубился легкий белый дымок.

– Он пришел в себя. Сейчас в фельдшерском пункте и его жизни больше ничего не угрожает. Сестра находится с ним. Но вы так и не ответили на вопрос.

– Нет, я с ним не знаком.

Крайчек нагнулся, затушил сигарету о ледяной камень и убрал окурок в полупустую пачку.

– Вы прибыли на этом баркасе, верно? Один?

– Прибыл один. Точнее, нас было двое – пассажиров. Но с Аней я познакомился только здесь в отеле, незадолго до...

– Я понял вас.

Крайчек зашагал быстрее и теперь я едва успевал за ним.

– А что с Ливановым?

– Игорь. Его зовут Игорь. Сестру – Даша.

– Что с Игорем? Что с ним случилось?

Крайчек приоткрыл дверь, пропуская меня в фойе отеля.

– Это я и пытаюсь выяснить. Если что-то вспомните – сообщите мне.

– А как я вас найду?

Он фыркнул и бросил, не оборачиваясь:

– Это городок, где триста жителей. Я тут единственный полицейский. Даже баркас вам скажет, где меня найти. Доброе утро!

Последнее он сказал уже не мне. Администратор поднялся из-за стойки и протянул руку, но Крайчек не пошевелился. Я заметил, что Борис Борисович просто показывает на свободный столик, предлагая сесть. Видимо, здороваться за руку – не в манерах местного участкового.

Я еще я заметил Анну. Она сидела у окна за ноутбуком, накинув на плечи теплую толстовку с капюшоном.

Рядом с ней, постукивая пальцами по полупустому стакану с кофе сидел озадаченный Максим и пялился в экран. Из-под его полурасстегнутой кофты с воротником проглядывала футболка с принтом Энигмы и надписью – Turing is awesome. Последние три буквы скрывал его локоть.

– Привет, Аня, – сказал я и протянул руку Максиму. – Забавный каламбур.

– Привет, – Аня улыбнулась и помахала рукой, словно я не находился в метре от нее. – Присядь к нам. Мы работаем кое над чем.

Максим потянулся и придвинул еще один стул, чудом избежав противного скрежета.

– Работаем – громко сказано, – виновато уточнил он. – Я ничего в этом не понимаю.

– Замолкни и читай, – посоветовала Аня, взглянула на меня и довольно зажмурила глаза. – Помнишь вчерашний текст? – спросила Аня и слегка повернула ко мне монитор. Максим говорит, что однажды он был в Чикаго. Я не особо ему верю, но очень надеюсь на помощь. В описаниях, по крайней мере. Правда, Максим?

– Подожди. Пока ты не занялась этим вплотную, привлекая новых рабов, послушай мой совет, – сказал я. – Даже идею. Рассказ про отель убийцу хорош, но он – чушь собачья.

Аня подняла на меня глаза и театрально похлопала ресницами.

– Так, начинаем с оскорблений – уже неплохо. Теперь я внимательно слушаю.

– Извини, – торопливо сказал я, – но согласись, кому нужен рассказ об отеле в далеком Чикаго, если мы сидим на чертовом клондайке? – мои глаза, наверное, горели, а Аня все еще не могла понять, о чем я говорю.

– Ты меня позлить решил или дельное предложение есть как у блогера к блогеру? – уточнила она.

– Рыбы-паразиты, нападающие на людей в городе на краю мира, где бывают необъяснимые морские миражи. Как тебе материал? И это при том, что мы сейчас прямо тут и прямо в гуще событий. Кстати, слышал, Игорю лучше, – сказал я, обратившись к Максиму. – Значит ты правда умеешь неплохо шить?

– В Чикаго научился, – сказал он с непроницаемым лицом.

Аня некоторое время думала, ни на что не реагируя и зависнув, как это делают иногда шиншиллы. Я представил на ее месте шиншиллу в очках, и мне стало смешно. Потом она вдруг расплылась в улыбке и нетерпеливо защелкала пальцами. Ее глаза вспыхнули десятком новых идей.

– Говорила же – это парень хренов гений! Ты прощен за оскорбление моего текста. А теперь, гуру, слушаю и внимаю каждому слову. Ты тоже, Максим, подключайся. Будешь нам помогать делать контент.

– Можно я уже пойду? – тихо спросил Максим, но услышан не был.

– Тогда пойдемте думать отсюда в другое место, – полушепотом предложила Аня. – Меня пугает этот парень. Он скоро просверлит в нас по дырке глазами.

– Это участковый, – сказал я.

Крайчек пил чай с лимоном мелкими глотками и никуда не спешил. Наша компания и тепло стен его вполне устраивали. Я краем уха слышал, как Борис Борисович сокрушался насчет его потерянной ночью на берегу шапки и подливал чай в прозрачный бокал. Я не выдержал и засмеялся вслух, когда он притащил из кладовой несколько бесхозных забытых постояльцами головных уборов и Крайчек выбрал и надел на голову старомодную шляпу с полями.

– Ты чего? – спросил Максим. Аня тоже удивленно смотрела на меня.

– Вы что, ничего не видите?

Они молча осмотрелись и вопросительно уставились на меня.

– Пальто, шляпа, участковый...

Максим пожал плечами, а Аня вернулась к ноутбуку.

– Максим, – нараспев сказала она. – Мне правда очень пригодилась бы твоя помощь. Нам пригодилась бы?

Он обреченно кивнул.

– У меня смена через двадцать минут. Вечером загляну. Идет?

Не дожидаясь ответа, он потихоньку проскользнул к двери, и, помахав мне рукой, скользнул на улицу, впуслав в фойе волну сырого холода.

– Как ты вообще с ним познакомилась? – спросил я.

– Он сидел за моим столиком, – пояснила Аня. – Ну что, идем ко мне? Обсудим детали?

– Да, через минутку.

Я выбежал на улицу, окликнул Максима. Тот успел спуститься с помоста почти к самому берегу. Он терпеливо ждал, пока я сползу по скользким ступеням.

– Слушай, я только вопрос задать, – сказу сказал я.

Максим засмеялся, причем так естественно, что тоже захотелось улыбнуться.

– Уже страшно, – сказал он. – Твоя подружка успела всю душу вынуть, а тебя она, между прочим, называет гуру.

– Ты учился зашивать раны в Чикаго? Серьезно? – усомнился я.

– Я сшивал кучи бумаг, когда работал у одного портового нотариуса одним морем южнее отсюда. Включаешь негромкий, но убойный рок в наушниках, пока старый пенъ дремлет над своей печатью, берешь иголку потолще и поострее и стежок за стежком, лист за листом. Так можно постичь настоящий дзен, если бы рабочий день не восемь часов, а хотя бы двадцать четыре. Хотя бывало и такое. Анна сказала, что ты из Смоленска. Бывал проездом и даже пожил недельку. Крутой город. Над ним не хватает только купола из кварцевого стекла, а на каждом углу пульта для управления погодой. В Чикаго, кстати, такого тоже нет.

Шутить с непроницаемым лицом – редкий талант. Но кажется я начал привыкать.

– Что скажешь про раны? Ты их шил. Правда минога? Мне нужно знать, что писать в пост.

– Скажу честно – я видал такое в первый раз. Ну, не считая крипипасты на телефоне, когда дремал в ночную смену сторожем, и в паре дешевых ужастиков. Что бы это не было – это что-то бесчелюстное и довольно сильное физически. Зато точно не ядовитое, если ты говоришь, что Игорь жив.

– Ты такое видел раньше?

– Я видел пятиметровых сомов, кашалота-людоеда и как бегемот перекусывает жертву пополам. Но такого – точно нет, извини.

– Ладно, тогда до встречи, – я пожал сухую руку и вернулся в отель. Не найдя в кафе Аню, поднялся к ней в номер и деликатно постучал в дверь.

В отеле действительно были тематические номера, что необычно для маленькой и довольно заурядной гостиницы. Номер Анны напоминал библиотеку и одновременно кабинет ученого-затворника. Видимо при заселении предпочтения не учитывались. Не походила Аня на человека, которому максимально комфортно было бы в такой обстановке среди полок с цветными, но старыми корешками книг и портретов хмурых писателей с сигаретами в зубах и глубокой тоской на лице. Но Аня не замечала, казалось, ни старой печатной машинки на столике среди пухлых томиков ни коллекции винила у древнего проигрывателя возле графина с бутфорским ромом и сигарой на чистой стеклянной пепельнице. Впрочем, ром мог быть и не бутфорским.

Пока Аня искала шнур от ноутбука, я изучал книжные полки. Корешки не были склеены, как я предположил сначала. Но и книгами в прямом смысле слова они тоже не являлись. Кто-то создал умелые подделки для знатоков, вложив немало труда. Я выудил томик «Подлец» Ильфа и Петрова с имитацией строго издания. Внутри затаилась открытка из какого-то балтийского городка. На ней красовались руины рыцарского замка.

– Ждан, а ты молодец – я видела твой блог и решила поначалу – еще один трэвельщик, хоть и пишет неплохо. Но идея на миллион. Теперь завидую, что не сама придумала. Так что будешь нами командовать. Я, так и быть, побуду копирайтером и ходячей харизмой. Равное партнерство? – она шутливо, но твердо протянула руку.

Я улыбнулся и краешком мысли пересчитал остаток денег в кармане и на карте, которых уже не хватало на обратный путь и пожал ее ладошку. Все пополам – это честно. Тем более, что задор Ани давал фору остаткам моих сил, которых только и хватило что придумать свежий проект.

– Пока ты там бродил, я уже нашла немного интересного про этот городок. Могу рассказать в двух словах, но лучше почитай сам. Тут кроме истории и теорий насчет странного атмосферного явления есть вещи, которые просто ждут чтобы о них написали. Вот, например. Ждан, ты взглянешь? Это фотографии, которым лет пятьдесят. Тут когда-то была шахта, теперь давно заброшенная. Причины закрытия никто не сообщал, но... В общем, вот смотри, – Аня развернула ко мне экран. – Фотографии плохие, но так их и сделали очень давно назад. Это шахта, когда в ней еще работали. Внимательно посмотри на задний план. А теперь на это.

Картинка быстро сменила одна другую и я едва успел разглядеть выглядывающую из-за деревянной подпорки голову за спинами угрюмых шахтеров, рот которой был вытянут в шипастый овал, как ее сменила усеянная зубами круглая пасть миноги. Каким бы я не был скептиком, меньше всего это походило на брак фотоэмульсии.

– Сходство не видишь?

– Может подделка.

– Ага, – Аня кисло улыбнулась. – В семидесятых только этим и занимались шахтеры – делали фотофейки крипоты.

– Ладно, – я поднял руки, делая вид, что сдаюсь. – Ты умница. Делаем пост. Даже примерно представляю, как он будет выглядеть: покусанный рыбак, пара фактов про древних бесчелюстных рыб, старые фотографии, на которых можно что угодно увидеть, репортаж якобы из страшного места – заброшенной шахты.

– Ага! — сказала Аня. – А Максим нас туда отвезет и добудет нормальную камеру.

– А его ты спросила?

Она задумчиво покусывала губу, а поняв суть вопроса только отмахнулась.

– Считай, договорилась уже.

– Подожди, а это что? – я ткнул в файл на краю рабочего стола с пометкой «до пятницы сделать».

– То, над чем я работала, пока ты не предложил кое-что получше.

– Про отель.

– Нет. Очередной долгострой.

– Можно взглянуть?

Я присел рядом и открыл файл с ее старой статьей. Несмотря на шероховатость текста, он был пропитан настоящей историей.

– Клим Киров – это кто? – спросил я.

– Тебе правда интересно?

– Хочу получше узнать твой стиль.

– Ладно. Там все написано, – отмахнулась Аня, и я принялся читать вслух.

В октябре две тысячи шестнадцатого года в небольшой частный отель маленького курортного городка на Черном море прибыл наряд полиции. Сотрудников вызвал администратор отеля, обеспокоенный тем, что один из постояльцев третьи сутки не выходит из опла-

ченного им номера и никак не реагирует на просьбы персонала открыть дверь для уборки. В номере не было обнаружено никаких вещей постояльца, кроме дневника.

Страницы дневника – самое интересное в этой истории, но не самое загадочное. В толстой тетради было исписано всего несколько листов и складывалось впечатление, что человек специально завел этот дневник, чтобы его нашли. Однако никакой информации, проливающей свет на то, что случилось с постояльцем и куда он исчез в дневнике не было. Только намеки.

Страницы дневника представляли собой описание нескольких последних дней жизни их автора. В сети можно и сейчас легко обнаружить их копии и массу догадок как нетсталкеров, так и просто любителей детективных историй. Дневник начинается с приезда постояльца, которого мы будем называть Клим Киров – это имя было указано в журнале регистрации гостей отеля – в курортный городок в самом конце сезона. Вероятно, так и было запланировано. Автор дневника писал, что не любит переполненные пляжи и сильную жару. Он очень скупо описывает впечатления от городка, зато досконально почти пошагово – сам процесс заселения в гостиницу, то, как его приятно удивило наличие халата и одноразовых тапок, но при этом он сетовал на частое отключение горячей воды и слишком маленькие, по его мнению, окна в номере. Есть много версий, что так он намекал на планируемое самоубийство, но если мы просто откроем план отеля, то увидим, что седьмой номер находится на первом этаже, а его окна выходят на аллею, а никак не на обрыв над морем. Очень часто любители покопаться в этой истории представляют себе гостиницу именно так – стоящую над высоким берегом, под которым бушуют волны. На деле же, простите за банальность, это была вполне рядовая частная гостиница почти в центре городка и как минимум в пятнадцати минутах ходьбы до пляжа быстрым шагом.

Но вернемся к нашему постояльцу. Все исписанные им страницы принято делить на условные категории: заселение, море, девочка, якорь. При этом содержащими какие-то загадки и подсказки признаются только последние две, а первые – вроде совершенно бессодержательной истории для отвлечения от основного рассказа. Но на деле это не совсем так. Если покопаться первых в записях постояльца, мы увидим массу довольно странных и не соответствующих с другими записями вещей. Но об этом позже.

Сейчас же мы свяжем между собой дневник и саму суть истории Клима Кирова. И вот это – как раз и есть главная загадка. Никаких следов этого человека, кроме дневника и показаний нескольких свидетелей, обнаружено не было. В последней записи говорится о том, что он намерен отправиться к старому маяку в шторм (в тот день как раз был сильный шторм), а чуть ниже, но другим почерком было дописано, что это последняя запись в дневнике. Одежду постояльца нашли под обрывом у маяка – ее прибило к скалам. Но никаких следов Клима Кирова обнаружено не было. В этой истории смущает многое, но в первую очередь запись в дневнике, сделанная не его рукой. На этот счет очень много версий, включая самые банальные. Но мы с вами попробуем разобраться в этой истории более тщательно и понять в первую очередь кем был Клим Киров на основе тех десяти исписанных листов из дневника, и что с ним произошло на самом деле.

– Да, это я написала, когда еще считала, что из этого материала может что-то получиться.

– Так и получится. Это замечательный материал!

Аня пожала плечами.

– Сомневаюсь. Детектив я так себе. Знаешь, сколько я провела времени над копиями этих дневников, пытаюсь хоть что-нибудь выудить оттуда? Но до меня это сделали уже тысячи

блогеров и их версии куда забавнее моих. Давай просто забудем про Клина Кирова и сосредоточимся на новом материале. То, что мы вчера видели...

– Ты можешь мне скинуть это? – перебил я.

Она кивнула и улыбнулась.

– Зацепило? Меня тоже когда-то. Этой истории сто лет в обед. Давай лучше про Игоря и про шахты. Найдем связь. Итак, его покусали. Причем существа, которые тут в море не водятся, зато водятся, судя по снимкам, в старой заброшенной шахте. И мы их будем называть миногами. И придерживаться этой версии, пока не придет в голову другая, получше.

Знаю такое состояние, когда мысли ползут одна на другую и не успеваешь хоть как-то фиксировать их. Словно в голове прорывает гигантскую дамбу. Анна пыталась сформулировать то, что и так было очевидно.

– Неплохо. Только лучше материал дозировать – не все в кучу.

Аня согласно покивала, постучала себя карандашом по кончику носа. В мыслях она была далеко от этого номера, отеля, городка.

– Слушай, – добавил я. – Одна просьба – если есть еще материалы по этому постояльцу с его дневником – пришли мне.

– Да пожалуйста. Не жалко.

Я хотел заранее поблагодарить, но внезапный стук в дверь оборвал меня на середине мысли. Я повернул ручку, забыв, что это, вообще-то, не мой номер. На пороге стоял Борис Борисович в вязанной шапке и на лице его застыло выражение, которое бывает у тех, кто готовится сообщить хорошую новость.

– Пойдемте! Оно!

Объяснять подробнее не пришлось. Я едва успел забежать в номер и захватить куртку, но Аня в коридоре уже не было – она ждала наверху, на маленькой террасе, где кроме нас и администратора стояли еще два постояльца.

Небо было странным. На юге все еще ютились рваные облака, а на севере оно протянулось широкой чистой полосой, глубокой, словно над нами навис океан. Мы не видели солнце, только его косые лучи, выбивающиеся из-за пелены на горизонте, в которых сверкали льдины. А над льдинами и гладкой поверхностью моря поднимаясь в небо сиял бледный остров. Остров в небе, оторванный от воды. Хиллинггар. Наверное, такими видели древние моряки небесные острова и спешащие к ним летающие корабли.

Аня тихонько взяла меня за руку холодными пальцами, улыбнулась, когда я взглянул на нее.

Остров казался реальным и вполне осязаемым, совсем не похожим на мираж. Я ждал нечто аморфное, больше похожее на облако над линией горизонта, но на этой призрачной земле виднелись нечеткие линии высотных домов, радиовышки и возвышающегося над городом Чертова колеса.

3.МиНогN

Никто из нас точно не знал, где находится старая шахта. На карте казалось, что до нее рукой подать. Она даже была отмечена крестиком, но информации о том, как давно она закрыта, безопасна ли и что в ней добывали раньше отыскать было невозможно.

Я водил пальцем по обозначенной черным пунктиром береговой линии и прикидывал примерное расстояние. Поселок с пристанью и двумя отелями значился на самом севере карты, где какой-то шутник дорисовал левиафана с фонтаном, вырывающимся из головы. Но ниже у гряды скал можно было рассмотреть две цепочки зданий, под углом повернутых к штольне.

Видимо – старый шахтерский поселок, который вряд ли сохранился. Я довольно живо представил себе пустые улицы, засыпанные снегом с покосившимися обледелыми домами и ржавыми остовами уличных фонарей.

– Утром, – решительно заявила Аня. – Мы пойдем туда утром, если не будет сильного тумана, снегопада, цунами и прочих сюрпризов.

Туман утром, конечно, был, но тогда мы говорили об этом в шутку. Мы сидели за столиком у окна и наблюдали как администратор пытается перемолоть зерна в кофемолке без крышки, прикрыв ее сверху рукой. Но зерна вырывались из-под его худых пальцев и со скоростью пули барабанили по стенам. В конце концов он воспользовался своей книжкой по вымышленным цивилизациям. Это помогло и теперь он смущенно смотрел на нас, упираясь в книгу локтем.

– Максим не сможет? – со слабо скрываемой надеждой и фальшивым сожалением спросил я. Мне было немного неловко, что мы втягиваем человека в свою авантюру, при этом даже толком не спросив согласен ли он.

– Сможет. Я уточняла. Он прислал мне список того, что нужно купить. Как он верно заметил, мы с тобой два единственных чудака на крайнем севере, у которых из теплых вещей и припасов только по ноутбуку.

Хоть и с юмором, но в точку. Я вспомнил, что количество оплаченных дней скоро закончится, денег на билеты нет, а из вещей только то, что сказал Максим и нервно глотнул чай с лимоном, не заметив, что это кипяток.

– Пришли мне список. Я поищу. И, кстати, думаю не лишним будет завести канал в каком-нибудь из мессенджеров. Будем выкладывать что-то вроде превью перед большим постом. Для затравки. Я делал так – очень помогает набирать аудиторию и просмотры, – я постукал ногтем по экрану телефона.

– Так у тебя есть опыт...

– Даже не думай! У меня опыт, у тебя обаяние. Как оформишь – отправь ссылку, а я сделаю репост. Каждый пятый примерно откликнется. Поделюсь, так и быть, своими драгоценными подписчиками.

Аня улыбнулась и пожала плечами.

– Ладно. Сделаю.

– А пока вопрос из серии «разделяй и властвуй», – я нагнулся над столиком. Аня с хитрецей смотрела на меня, склонив на бок голову.

– Хиллинггар? – спросила она.

– Он самый. Разделим по времени или коллаборация на лайте?

Она подняла руки.

– Не претендую. В трэвел-блог подойдет больше. Пиши.

– Заметано. Тогда пришли мне фото. Моей камерой только НЛО и снежного человека фотографировать.

Аня вздохнула и полезла в свой телефон.

– Ты когда себе нормальный аппарат купишь?

– Здесь я себе только камеру-обскуру могу сколотить, если фанеру найду. И все равно будет лучше моей камеры в телефоне. Но как разбогатею на нашем проекте – сразу.

Ане подмигнула мне и отвернулась к окну. Там накатывались на каменистый берег тяжелые бирюзовые волны. Время близилось к обеду, а солнце непривычно низко нависло над горизонтом и даже не пыталось греть.

Я вернулся в свой номер, отыскал ноутбук. Его крышка обиженно скрипнула, батарея показала свой протест против недостаточного внимания. Итак, что мы знаем про хиллинггар? И как сделать его из энциклопедического факта околоромантическим явлением? Я заколотил пальцами по клавишам, привычно нажимая сильнее на капризный пробел. Получалось неплохо,

особенно про воздушные острова и летающие корабли. Добавив фотографии Ани, я подумал, что в следующий раз хорошо бы выпросить у нее телефон и сделать ролик в пару минут. Разбавлять текст роликами просто необходимо, даже если ты текстовый блогер. Примерно через пять-семь постов.

Просмотрел комментарии под последним постом. В основном идиоты. Несколько хейтеров. Привычным движением отправил их в вечный бан. Старожил моего паблика с ником «vokula» интересовался судьбой последних превью. Его завсегдатай собеседник «rebuz», как обычно, подхватывал беседу.

Vokula: вроде бомбу обещал? Где? Посмотрел последний пост про усадьбу в лесу. Вот это круто! Особенно та беседка и колодец на берегу заболоченного пруда. Я поискал старые фотографии – там лодочная пристань была лет сто назад, но, думаю, ты в курсе. Слушай, а вот тема с огнями святого Ильма в подвале – отстой. Сразу видно подставу. Если не так, отпишишь.

Rebuz: огни – кипово, но однозначно фейк. Ждем новостей из новой поездки и, само собой, – бомбы.

Бомбы они ждут! Оторвались бы сами от дивана и посмотрели на мир вокруг. Я туманно и вежливо пообещал оправдать ожидания и еще раз перечитал пост, проверяя на опечатки. Время моды на «олбанский» и неграмотного письма, увы, осталось в «нулевых». Включив негромко U2 «With or Without You» и отчаянно во всю глотку подпевая у себя в голове, я завершил текст, подправил концовку и разделил абзацы двойными пробелами для удобства чтения.

Пыхтя и ворча на слабый вай-фай, пост отправился в загрузку. Я вдруг понял, что все это время у меня не выходила из головы история Клим Кирова. Осторожно открыв вторую вкладку и убедившись, что загрузка не прервалась, у вбил его имя в поисковик. После списка каких-то известных людей, девятнадцатой строчкой нашлась статья «Загадка Клим Кирова – человеку без личности».

Название так себе – отметил про себя я и пролистал ниже:

«Загадочный постоялец», «Дневник самоубийцы», «Клим Киров – человек, которого не было».

В каждой из них примерно тоже самое, что и в статье Ани, даже меньше. Кроме одного момента, который Аня не упомянула или пропустила намеренно. Кто-то раздобыл выложил в сеть сканы дневника, но не было никакой уверенности в том, что это не подделка. Я отправил статью себе в телефон, накинул куртку и отправился искать вещи по унылому списку Макса. Не ставить же его в неловкое положение тем, что мы ничего не нашли.

В свете пусть холодного и бледного, похожего на призрак, но все-таки солнца поселок казался более ярким и живым, но все еще таким же полузаброшенным. Домов тут не прибавилось, но и в тех двух десятках найти магазин – непростая задача. В конце концов я отыскал почту. Оказалось, что она и есть – местный супермаркет, конкурирующий с лавкой, в которой я утром купил сухари. Ленивый почтальон занималась своими делами, тихонько напевая про себя и наклеивая новые ценники на старые журналы. Перед ней лежали под стеклом яркие марки с холодным морем, баркасами и маяками, а позади громоздились друг на друга банки с консервами, синие ящики и пачки с дешевыми макаронами. Над ними висел календарь за прошлый год. Я не с первого раза был понят, но в закромах магазина-почты нашелся фонарик, батарейки и термос. Все это серьезно утяжелило мою сумку и ударило по бюджету.

Я долго рассматривал открытки, оставшиеся еще с новогодних праздников – цена на них была совсем копеечной, в отличие от пересылки. От нескольких лет сидения за ноутбуком, пальцы совершенно разучились писать и даже нормально держать ручку. Я как мог набросал короткий текст, сухо добавил, что у меня все в порядке. У меня и правда было все в порядке, по моим скромным запросам, разумеется.

– Отправлять будете? – почтальон удивленно смотрела на меня, а я вдруг понял, что вцепился в открытки и не хочу их отдавать.

– Да. Приклейте марку красивую.

– Именно красивую? Поищу, – усмехнулась она. – Вот, кажется, сразу нашла.

– А пластырь и перекинь? – с надеждой спросил я.

– Это в аптеке.

– А она...?

Почтальон похлопала глазами.

– В фельдшерском пункте, где же еще.

Мне всегда было любопытно чем фельдшеры отличаются от врачей. От этого слова веяло какой-то стариной, порошками, стеклянными шприцами и анатомическими атласами. Но ничего подобного там не оказалось, даже к легкому разочарованию. За толстой, обитой дерматином и уплотнителем дверью с красным крестом затаился вполне чистый и светлый кабинет. Даже три кабинета. Один был закрыт, в другом играло на полированной поверхности стола и гранях стаканов солнце, в третьем сидели двое. Я узнал их сразу, хотя Игоря видел в сознании впервые. Он сидел на краю кушетки, перебинтованный по пояс с накинутой на плечи курткой. На его щеках темнела щетина, словно он провел тут неделю, а воздухе завис душный спиртовой запах. Для медпункта, впрочем, неудивительно. Даша сидела рядом с ним и пыталась держать за руку, но он все время вырывал свою пятерню и тер ей колючий подбородок.

– Никто из вас не врач? – уточнил я. – Мне бы перекинь.

– Мне бы тоже, – хохотнул Игорь. – И закусь.

Даша обернулась, спрятала за ухо локон коротких светлых волос.

– Она вышла. Если что-то срочное, могу дать ее телефон.

– Нет, я подожду.

Я сел на свободный стул. Пытался осматриваться, но все время натывался на перевязку Игоря. Тот покачал головой.

– Ни хрена не помню. Муть какая-то, – он потер виски. – Тут помню, тут нет – знаешь, как в том кино.

– Вы были возле шахт? – спросил я.

– Вот и участковый пристал. Да не знаю я ни про какие шахты. На берегу я был. Нужно было отвязать лодку. А потом поскользнулся либо или по голове шарахнул кто... Короче, пусть участковый разбирается – у него голова большая, – он нервно глянул в окно, затем на сестру. Его рука колотила по ее тонким пальцам нездоровой дрожью. – Слышишь, пожрать бы. Этой козы не дождешься. Если что – сам доберусь.

Даша молча поднялась, взъерошила пальцами его жесткие сальные волосы.

Она оказалась ниже меня на полголовы. У нее были зеленые глаза, и она явно отращивала челку – непослушные пряди все время сползали на миловидное лицо со слегка вздернутым носом. С нее получился бы отличный арт аниме, но рисовать я не умел, а в единственный блокнот заносил сценарии, расходы и графики движение автобусов и поездов.

– Вы дождитесь, – сказала она, подхватив с кушетки сумочку. – Марина Андреевна часто отбегает дочу покормить. Тут в паре домов отсюда. Она обычно недолго.

Мы остались в тишине. Почти в тишине – тикали часы, Игорь шумно потирал щетину.

– Полчаса отдай, – заметил он. – Как уйдет – так с концами.

– Тогда я завтра загляну.

Я вышел и торопливо зашел вниз по лестнице. Дашу я окликнул только на углу дома. Она обернулась, подняла воротник и терпеливо дожидалась меня, пока я, стараясь удержаться на скользком асфальте, спешил к ней. Даша покусывала уголок нижней губы – милая, но странная привычка для городка, где дуют, не прекращаясь ни на час холодные ветра.

– Что-то случилось?

– Нет. Просто хочу вас проводить. То есть, чтобы вы показали мне хоть какой-нибудь магазин, – чтобы быть более убедительным я сунул ей телефон с открытым списком. Даша близоруко всмотрелась в экран, затем подняла на меня огромные зеленые глаза.

– Начет термобелья – это надо было заранее подумать, в городе. Перекись могу вам дать. Пойдемте.

Я не сразу понял, что мы идем к ее дому. Следовало завязать безобидный разговор, но чувство неловкости очень выборочно парализовало меня – в основном язык и немного мозг.

– Вы собираетесь туда, верно? – спросила Даша, не глядя на меня. – Я про шахту.

– Просто пофотографировать. А это так заметно?

– Приезжие или сидят безвылазно в отеле или сразу собираются на шахту. Если говорят об этом на каждом углу, то их планы заканчиваются кабинетом участкового.

– Значит я настолько предсказуем? Человек-шаблон.

Даша промолчала, только улыбнулась. Улица быстро закончилась. За ней потянулась промерзшая грунтовая дорога, в конце которой маячил старый трехэтажный дом с облупившимися стенами и единственной дверью, придавленной снаружи кирпичом. Снег занес один его угол, от чего казалось, что дом стоит криво. Из-под потрескавшейся штукатурки торчала дранка, а из-под перекошенных подоконников куски старой желтой стекловаты.

– Подождите тут, – сказала она и шагнула к подъезду. Да, разумеется. С чего я вдруг решил, что мне позволено узреть чертоги принцессы? Но так даже лучше – менее неловко и язык вместе с мыслями снова начали обретать подвижность.

Я осторожно оглядывался. Тут на пустыре я выглядел, наверное, довольно нелепо – один на ветру и даже без сигареты. За домом возвышались и тянулись к далеким скалам ледяные дюны, а паре сотен метров от подъезда лежал каменистый пляж, за которым покачивались волны. Идеально, если бы море было южным, а дом не таким старым. Я с любопытством скользил взглядом по его окнам, стараясь сильно не нагнеть и не привлечь внимание. За пыльными стеклами темнели такие же пыльные занавески. В одном из окошек появилась и тут же исчезла лохматая голова. Где-то окно было завешено изнутри одеялом, где-то оказалась приоткрытой форточка и оттуда вырывался, и клубился в прозрачном воздухе густой кухонный пар. На подоконнике справа от подъездной двери стоял кораблик. Даже не один. Точнее, мне показалось, что это кораблик поначалу. Такие продают как сувениры в южных городах – бутылка из тонкого стекла, в которой расправив паруса и воткнув в стекло мачты замерла бригантина. Но это был явно не сувенир с Юга. Я подошел ближе. Бутылка обычная, в ней мелкие цветные камешки и кусочки мха. Кораблик оказался затонувшим – он накренился среди валунов из белой гальки, его паруса были порваны, а на реях и бушприте застыли ровные полоски ила. Синеватая прозрачная смола была толщей океана. В другой застыл на скалистом берегу старый маяк. Я потихоньку достал телефон и попытался сфотографировать подоконник, но скрипнула дверь и торопливо сунул его обратно в карман.

– Держите, – Даша протянула мне полупустой белый флакон. – Надеюсь не пригодится, но на всякий случай – будьте там осторожнее.

Я поблагодарил, пообещал вернуть полный флакон и кивнул в сторону окна.

– У вас тут не перевелись мастера романтики. Дайте угадаю – школьник или пенсионер. Она снова покусала губы.

– Это мое, – и чтобы заполнить неловкую паузу, добавила. – Тут у нас не слишком много развлечений. А так...

Даша немного смущенно развела руками и взглянула на подоконник. Сквозь толщу смолы и стекла пробился луч солнца – словно маяк включился и теперь светил далеким кораблям.

– Глупо, я знаю.

Мне следовало сказать правду, что это красиво и мило, но я как идиот промолчал.

– Ладно, мне пора. Не потеряйте флакон.

Даша почти скрылась в подъезде, когда я окликнул ее, неожиданно и для не и для себя. Мне показалось, что она даже вздрогнула.

– Подождите! А не хотите прогуляться со мной? – и спохватившись добавил. – Я ничего не знаю о вашем городке, а хотел бы, ведь я тут ненадолго. Местные слишком заняты, а приезжие сами мало что знают, кроме того, какая розетка в номере работает, а какая нет.

Даша в нерешительности замерла на крыльце, придерживая дверь. Но похоже, что я был очень убедителен.

– Если только недолго. Я меня правда очень много дел.

– Говорите как местная, – заметил я и она не удержалась от улыбки.

Мы побрели в сторону берега и некоторое время молчали. Я вглядывался в море, наблюдал за мелкими барашками на воде, хаотичными и непостоянными, как мысли в моей голове. Даша смотрела под ноги, изредка нагибалась и поднимала цветные камешки.

– Для ваших сувениров? – спросил я. Хотелось сказать «поделок», но это звучало как-то насмешливо и пошло.

– Понемногу делаю маленький грот. Думала, что проблема достать клей и смолу – капитан часто забывает привести то, что я прошу с Большой земли. Но оказалось, что найти камешки одного нужного цвета – тоже задача. Кто бы мог подумать, – она с улыбкой обвела рукой каменистый пляж.

– Я в этом ничего не понимаю, – сознался я. – Могу только раздобыть какую-нибудь красивую бутылку в отеле.

– Вот как раз с пустыми бутылками у нас в доме проблем нет, – тихо ответила Даша и я понял, что пора менять тему.

– Где все люди? – спросил я.

– А кто вам нужен? Я тут.

– Я имею в виду, что никто не гуляет, не сидит в кафе, кроме приезжих. Это странно и непривычно.

Даша пожала плечами.

– Все работают. И мне бы надо, но у меня отгул из-за брата. А насчет кафе... Это для приезжих только, – она поджала губы и развела руками. – Нам такое не по карману. Впрочем, зачем я вам это говорю? Вы отдыхать приехали.

– Скорее работать. Я блогер.

Я ждал саркастической улыбки или замечания, но Даша ничего не сказала на это. Только подняла очередной камешек, внимательно осмотрела и отправила в море. Я уловил это выражение лица – отголосок детства, когда глаза искрятся и светлеет лицо от того, что камешек летит дальше, чем ты задумал. Ее слегка вздернутый нос совсем порозовел на ветру, евра поднятая верхняя губа показала белые и слегка неровные зубы.

– Вы меня так разглядываете, словно нарисовать хотите. Блогер-художник?

– Нет, – усмехнулся я. – Просто хочу рассмотреть, как выглядят местные. Говорят, что природа всегда накладывает небольшой отпечаток на внешность.

– Тогда огорчу – я не местная. Мы приехали сюда, когда брату десять было, а мне чуть меньше. Отец говорил что-то про большие северные деньги, но, видимо, севером он ошибся. Тут мы нашли только холод и ветер. Мама еще и пневмонию. А отец, решив, видимо, исправить ошибку, отправился искать правильный север, – она говорила с полуулыбкой, видимо стараясь

приукрасить невеселую историю. – Но зато я помню, что такое настоящее кафе. Мы были в одном из таких в большом городе, когда ждали поезд. Там было ярко и тепло. Никто не сэкономил денег, потому что считалось, что тут мы заработаем куда больше. Мне купили самое гигантское мороженое с двумя вафельными трубочками и листочком мяты, и я до сих пор помню его вкус. Я долго не могла решиться начать есть такую красоту, мороженое начинало таять, а родители смеялись надо мной. Они тогда еще умел смеяться. Только брат ворчал и говорил, что отнимет, если не начну есть. Не знаю, зачем я все это рассказываю... Игорь все это не любит вспоминать, а на работе такой рассказ воспримут как критику местного мороженого.

Звучало забавно. Я вдруг подумал, что ей тут совсем не место, в этом городке. Ей нужно другое море, тепло и солнце. Много солнца. А вот Игорю, совсем наоборот...

– Послушайте, не ходите туда завтра, – вдруг сказала Даша. – Я знаю о чем говорю, я живу тут двенадцать лет.

– Вы про шахты? Там опасно?

Она замотала головой.

– Нет. Опасно – не то слово. Это совсем другое. Вам просто не нужно там быть. Я не могу объяснить, – она вздохнула и пристально посмотрела мне в глаза своим глубоким зеленым взглядом. – Вы же все равно поедите да?

– И будем очень осторожны, – я тоже поднял камешек и отправил его в море. Даша проводила его взглядом. – Знаете, Даша, я не верю ни в призраков, ни в монстров, хотя буду писать об этом чтобы купить однажды обратный билет. И точно не полезу в аварийную штольню, чтобы оказаться под завалом. Может это и не круто звучит, но я совсем не экстремал.

Даша, казалось, не слушала меня. Она покусывала губу и смотрела на море.

– Все изменится, – вдруг сказала она. – Если вы пойдете туда, то все изменится.

Ветер скользил по водной глади, выбивая мелкие волны. Они нахлестывали на каменистый берег и неспеша возвращались обратно в море, словно потоки густой прозрачной смолы. В них искрились холодные цветные камни.

– Однажды на берег выбросило кита, представляете? – сказала Даша. – Лет пять назад. Он был огромный, а мы не знали, что с ним делать и оставить не могли. А утром он просто исчез.

Я представил какой силы должен быть шторм, чтобы утащить в море мертвого кита.

Незаметно мы вернулись к ее дому. Над трубами на его крыше дрожало легкое теплое марево.

– Даша, а вы не заняты послезавтра? – неожиданно для себя сказал я. – Хочу выпить с вами кофе и пообщаться еще. Я не стал бы так откладывать, но боюсь, что завтра в городе меня все-таки не будет.

Она улыбнулась. На ее щеках показались едва заметные ямочки.

– Вот так значит. Можете просто сказать, что мое хобби с сувенирами в бутылках не глупое и обойтись без этого.

– Нет, я хочу пригласить вас на свидание. Да, именно на свидание.

– Значит вот так...

Я говорил как придурок и выглядел придурком. Да, собственно, и был им в тот момент. Прямота – не всегда залог успеха и на горьком опыте я в этом все больше убеждался, но мне почему-то казалось, что именно этот момент упускать нельзя. Что при следующей встрече буду казаться ее большим дураком, вот только флакон с перекисью как повод поговорить уже не сработает.

Даша подозрительно молчала, словно хотела убедиться не шучу ли я и не опасен ли. Словно на моем лице хоть что-то можно было прочесть, когда я вел себя глупо.

– Хорошо, – наконец сказала она. – Очень неожиданно и немного неловко.

– Согласен, – сказал я.

– Но ведь вы меня совсем не знаете.

– А для чего еще существуют свидания? Послезавтра в десять? Надеюсь, найду к этому времени место, где можно выпить кофе.

– На закрытой террасе отеля, – подсказала Даша.

– Обычное место свиданий?

– Просто я там работаю, я же говорила. До послезавтра, – она нахмурилась, пытаясь вспомнить как меня зовут, но ведь я так и не представился. Потом еще раз улыбнулась, махнула рукой и скрылась в подъезде. Часто возвращаясь в мыслях к тому моменту, я догонял ее разворачивал к себе и целовал, а она впивалась пальцами в мою куртку, словно пыталась никуда не отпускать. Наверное, так и нужно было сделать, каким бы странным это не казалось. Ведь ее лица я больше никогда не видел.

Мы собирались молча, не слишком сверяясь со списком. Аня нервно кусала ногти и поглядывала в окно, за которым стоял густой белый туман. Любые разговоры о том, чтобы отложить поход к шахтам она решительно пресекала.

– Так нельзя. Если поменять планы, потом все сложится еще хуже, – она крутила ремешок часов на запястье. – Ну, где этот дурацкий Максим? Уже начало восьмого.

Дурацкий Максим ждал нас внизу. Он успел найти где-то камуфляжную теплую куртку и машину.

– До поселка шахтерского поселка почти десять километров, – объявил он, а затем настоятельно убедил нас плотно позавтракать. Борис Борисович был счастлив и громко гремел сковородой. На нем был новый свитер с новогодней елкой. В утренней тишине шипение масла казалось особенно громким.

– Тогда командуй, – сказала Аня. – Ждан извини, но в полевых условиях лучше слушаться его.

– Справедливо, – отозвался я и Максим обреченно вздохнул.

Он разложил на столе самодельную карту, которую Аня немедленно сфотографировала.

– Если еще не передумали, то выезжаем сразу после завтрака. Машина не моя и к обеду ее нужно вернуть. Поедем по старой грунтовке, – он вел пальцем по шершавой бумаге, – а здесь возле скал остановимся и дальше только пешком. Я осторожно переспрашивал и выяснил, что дорога дальше перекрыта шлагбаумом.

– В поселке кто-нибудь живет? – Аня покусывала зубочистку и блуждала взглядом по карте, словно уже была там.

– Нет. Заброшен полностью. Иногда наведываются охотники за медью и старыми платами от электроники. Но запасов все меньше и любителей нажиться на хламе тоже. На всякий случай будем начеку.

– Куда они все это сбывают? – усмехнулся я

Максим пожал плечами.

– А баркасы на что? Уверен, что за свою маржу капитан возит груз на большую землю и все это безобразие – уже давно привычный и отточенный бизнес.

Максим был прав. Теперь совершенно не удивляло, что Игорь якобы ничего не помнил о том, как оказался возле шахта, а затем в воде. Какую лодку и с чем он пытался забрать – тоже стало вполне очевидно.

– Думаю, там просто старые руины. Ни собак, ни зевак. Охраны и той толком нет. Но машину на виду оставлять не будем на всякий случай. Если что – не бежим и не суетимся и телефоны всегда на виду. Мы – туристы-блогеры, снимаем интересное и суем нос куда не следует, но закон не нарушаем. Ясно? Кстати, не напомните, как вы меня на это все уговорили?

– Я обещала, что никому не расскажу как ты работал преподавателем на курсах сальсы, – напомнила Аня.

– Точно. Спасибо Аня, что рот на замке, – он покосился на меня и взвалил на плечи свой и ее рюкзаки. Теперь он походил на опытного проводника туристических групп по опасным маршрутам.

– И в шахту тоже глубоко не суемся. Все-таки опасный и аварийный объект. Без меня даже не думайте лезть под землю.

Я отсалютовал, но вместо раздраженного замечания, получил глубокий вздох.

– Идемте, команда.

Без машины нас ждала бы долгая безрадостная прогулка по промерзшей дороге среди пустоши, обычно продуваемой ледяными ветрами. Но сейчас над пустошью висел туман, и мы ехали не спеша, прощупывая светом фар узкую неровную дорогу. Несколько раз мне казалось, что море совсем близко и мы вот-вот сорвемся с края в темную воду, но это просто колыхалась белая пелена.

Огни отеля и свет прожектора на отчаливающем баркасе остались далеко позади и теперь едва проглядывали сквозь туман бледными светлыми пятнами. Справа темнели скалы. Мы проезжали мимо каких-то высоких мачт или столбов – их вершины терялись в пелене. Свет фар выхватил погнутый указатель, за которым перегораживая путь виднелся ржавый шлагбаум. Максим съехал с дороги и оставил фургон под скалой. Выключил двигатель и вокруг повисла непривычная мертвая тишина.

Мы выбрались из фургона. Под ногами потрескивала мерзлая глина. Там, где заканчивалась тяжелым железным обухом шлагбаума дорога, начинались темные призраки строений. Они проглядывали сквозь туман массивными тенями. Одно из находилось строений совсем близко, и я видел на его бетонной стене выведенные краской буквы: «Кола-фосфат».

Аня отошла на пару шагов назад и сделала пару фотографий.

– Не теряемся и держим фонари включенными, – негромко сказал Максим.

– Фото без комментария сразу на канал, – сказала Аня, – как учил меня великий гуру.

Она похлопала меня по спине.

– Взгляни какая прелесть. По ним определенно заинтересуются нашей будущей историей.

– Или найдут наши холодные трупы, – невесело отозвался Максим. – Идемте. Только смотрите под ноги.

Все вокруг казалось серо-белым, словно другие цвета просто ушли из этого городка вместе с людьми. Я ожидал что-то вроде улицы с двумя рядами домов, один конец которой упирается в шахту. Но городок был совсем другим. Мы шли вдоль бетонной стены огромного здания, узкие окна которого уцелели и отражали молочную пелену. Тут было что-то вроде фабрики или ангара – не понять. На табличках у заколоченных дверей не разобрать букв, краска давно слезла, обнажив ржавый металл. Справа стояли один за другим два барака. В потемневших от времени бревнах зияли проемы выбитых окон. Еще одно здание чуть поодаль – трехэтажное. На его плоской крыше проглядывала сквозь туман паутина антенн и проводов. И что-то огромное серым валуном застыло между его стеной и деревянным ангаром.

Аня шла впереди, держа перед собой телефон и записывая каждый шаг. Я пару раз пытался пересечься с ней взглядом, но у Ани было то самое выражение лица, когда она полностью погружена в себя и почти не реагирует на внешние раздражители. Максим замыкал наш маленький отряд. Я пытался заговорить с ним, но он только приложил палец к губам и кивнул в сторону дороги. Я так и не понял, что он имел в виду.

С каждым шагом туман становился все плотнее. Но у самых скал он заметно редел и обнажал неровные, изъеденные ветрами и машинами склоны. Бетонная плита, перекрывавшая вход в штольню, хоронила все наши надежды пробраться внутрь. Из-под нее торчали ржавые рельсы, на которых покоилась не менее ржавая вагонетка. На ее дне поблескивал лед.

– Судя по карте, тут неподалеку еще одна штольня, – громко шепнул Максим.

– И совсем невелики шансы, что она не запечатана как эта, – добавил я.

Аня покусывала губы.

– Попробуем найти другой вход или сначала в поселок?

– Поищите, – сказал я. – А я пока осмотрюсь.

– если что – орем четко и в полный голос, – усмехнулся Максим. Они заспешили вдоль склона и вскоре скрылись в тумане. Только яркий экран телефона, который Аня держала почти над головой, все еще блестел сквозь пелену.

Я остался в тишине. Ковырнул ногой мерзлый камень, и он отлетел к вагонетке. За бетонной плитой едва слышно выли сквозняки. Остаться одному в подобном месте было бы жутковато, но, к счастью, ни к темноте, ни к заброшенным местам я не питал особого страха. Только уважение как к произведению искусства. Красота запустения – сама по себе искусство, которое мало кто ценит. Что бы тут не происходило на самом деле, это место точно достойно хорошего поста в блоге. Я опустил сумку на землю и зашагал в сторону поселка. С каждым шагом очертания домов становились все темнее, словно они выплывали из глубины. На стенах следы краски. Жирная стрелка указывала на медпункт, которого не было видно в тумане. Под самым откосом крыши покачивался разбитый фонарь.

Дверь протяжно скрипнула, впустив меня в узкий коридор, за которым из распахнутых дверей струился на пол бело-молочный свет. Тут когда-то жили люди, но сейчас не осталось почти ничего, кроме стен и остатков мебели. В конце длинного коридора виднелась лестница на второй этаж. Я неспеша брел по узкому проходу, заглядывая в приоткрытые двери. Закрытые старался не трогать. Все же легкое чувство неловкости оставалось, хотя чьи-то ноги бегали по этим доскам лет сорок назад, а может и больше. Две комнаты были абсолютно пусты, только обрывки старых желтых газет устилали дощатый пол. В третьей стоял стол со следами клеенки. Над ним, почерневшая от времени, висела картина и казалась темным окошком в стене. На полу лежали корешками вверх раскрытые книги и даже старый, свернутый трубочкой журнал.

Я прошел мимо старой душевой. Из выбитой в стене дыры торчали старые трубы. Вырванные краны валялись здесь же под разбитой раковиной. Следы от вырванной проводки перечеркивали стену и упирались в потолок.

Второй этаж казался темнее. Тут было не так много раскрытых дверей. Возле первой же я застыл. Внезапный и совершенно чужой для меня парализующий страх сковал мгновенно и бросил в холодный пот. Я только стоял и смотрел на застывшую у окна фигуру. В ней было не больше метра в высоту. Ко мне был повернут затылок и краешек скулы. Я ждал, что она внезапно дернется, развернется и бросится на меня, издав пронзительный крик. Я даже был готов к этому. Но фигура не шевелилась. Постепенно я начал понимать, что она не живая. Кто-то поставил у окна в шутку или забыл невысокий детский манекен. А может это была просто большая кукла. Но она держалась на ногах без каких-либо опор. Да, теперь я отчетливо видел потертый пластик и даже трещинки на нем. И шарниры на суставах. Обычная, пусть и большая кукла. Я медленно выдохнул. Страх постепенно отпускал и внезапно навалилась тяжесть и усталость. Просто кукла! Но мне все же не нравился ее глаз. Он был неправильным, хотя бы даже потому, что находился на виске и смотрел на меня слепым пластмассовым взглядом.

– Черт! – ругнулся я, когда подо мной скрипнула доска. Все то же ожидание, что кукла повернет голову. Но ничего не произошло. Бред.

Я был зол на себя. Поддаться панике из-за такой ерунды. Хорошо, что не завопил и не опозорился перед теми, кого подбил на приключение. Манекен! Дурацкая пластмассовая игрушка.

Я торопливо шагнул назад, уперся рукой в стену, но она неожиданно поддалась. Я едва не провалился в дверной проем, поняв, что опирался на незапертую дверь. Едва удержавшись на ногах, я схватился за косяк. Скользнул взглядом по комнате.

Отсюда уезжали второпях, почти ничего не забрав. В маленькой комнате жила, видимо, молодая семья. Со стен смотрели две выцветшие фотографии, на которых были различимы только контуры тел. На спинке стула висели превратившиеся в лохмотья старые брюки. На полу все еще лежал покрытый толстым слоем пыли палас, а в кровати в углу лежала на боку, уставившись на меня глазом без века, еще одна кукла. Ее глаза поблескивали на висках, нос отсутствовал вовсе. А рот... Нечто подобное я видел совсем недавно. Круглое и полное зубов в окружении похожей на присоску единственной губы.

Мне казалось, что я закричал, хотя, возможно, кричал я в голове, бесшумно. В чем я был точно уверен, что бегу вниз перепрыгивая через ступени. И длинный, залитый молочным светом коридор впереди не казался больше заброшенным и безопасным. Сколько закрытых дверей тут? Две? Я понесся мимо, стараясь не замечать боковым зрением пролетающие дверные проемы. Теперь казалось, что в каждом из них что-то шевелится.

Навалившись на входную дверь, я вылетел на улицу и едва не сбил с ног Максима. Тот поймал меня на ходу, резко встряхнул. Аня бежала к нам, не выпуская телефон из рук.

– Что там? – кричала она.

Я пытался вырваться из рук Максима, но тот снова меня встряхнул.

– Стой! – донеслось до меня.

– Ждан, там еще одна штольня есть. Тоже закрытая, но под плитой проем, – говорила Аня, но я не понимал ни слова.

Максим все еще держал меня и мне вдруг показалось, что еще секунда и он залепит мне по лицу.

– Отпусти, – я вырвал из его пальцев рукав. – В порядке я!

Я присел на бетонный блок, в который упирались ржавые рельсы. От него тянуло холодом, но я этого не замечал.

– Идемте отсюда! – сказал я. – Поскорее, потом расскажу.

– Ждан, ты что разыгрываешь нас? – Аня на секунду убрала камеру.

– Аня, я ошибся. Надо бежать отсюда!

Но Максим уже смотрел в окна второго этажа. Сквозь лохмотья развеивающегося тумана были видны пыльные стекла. Не говоря ни слова, он поправил сумку на плече и направился к двери.

Аня села рядом. Не минуту она выключила телефон и теперь смотрела на меня обеспокоенным взглядом.

– Ждан, что случилось? Что там было?

Я не успел сказать ни слова. Она вдруг закрыла мой рот рукой и всмотрелась в туман за моей спиной.

– Бежим, быстро! – шепнула она.

Мы бросились к распахнутым дверям здания с выбитыми окнами. Как раз вовремя. Сначала послышался гул мотора и шорох шин, а потом из-за угла показалась машина. Свет фар чиркнул по стене и уперся в старую вагонетку. Мы ждали. Аня крепко вцепилась в мою руку. Я вдруг заметил, что она аккуратно включила камеру и направила ее к окну с торчащими осколками. На маленьком экране виднелась машина с включенными фарами и рваные клочья тумана. Затем хлопнула дверка. Человек в шляпе и пальто осмотрелся. Затем неспеша побрел в сторону штольни, озираясь по сторонам. Максима мы заметили чуть позже. Он выглядывал из-за угла. Заметив нас, махнул в сторону выезда и скрылся за зданием.

Стараясь не издавать громких звуков, мы пробирались сквозь здание к задней двери. Тут была столовая когда-то на ровных столах лежали куски штукатурки с обваливающегося потолка. На секунду мне показалось, что в проеме ведущем на кухню мелькнула чья-то голова. Я крепче сжал руку Ани и потащил ее к мелькающей впереди двери. Шаг, еще шаг...

Наша машина была уже видна, а я не мог остановиться считать шаги.

– Это просто шикарно! – Аня намеренно отделяла слова долгими паузами, убеждая нас в том, что она очень довольна вылазкой в шахтерский городок. Раз за разом она просматривала отснятый материал, то улыбаясь, то хмурясь, сидя на краешке стула и даже не скинув куртку. – Вот это просто песня! Ты бы видел тут свое лицо, Ждан! Нарочно так не получится.

Я не смотрел в ее телефон, но узнавал свой испуганный голос и сбивчивое дыхание. Она сохранила и это.

– Удали, – посоветовал я.

– Еще чего! Взгляни лучше. Ждан, Максим, ну серьезно, для кого я старалась?

Максим усмехнулся, скинул сапоги и прошел мимо меня. От его куртки все еще веяло холодом и пахло бензином. Ролик повторился. Они засмеялись. Я выудил из кармана серый круглый камешек с красной прожилкой, который успел подобрать с дороги, прежде чем зашел в тот дом. Представил его венчающим грот в глубине залитой прозрачной смолой бутылки. Так себе подарок, но лучше ничего не придумал.

– Ты что, реально так испугался кукол? – спросила Аня. – Это будет шикарная часть ролика. Я прямо сейчас набросаю сценарий. Нужен текстовый пост и видео, – Аня перехватила мой взгляд, едва заметно кивнула, намекая на помощь. – Монтажом займусь сама. Мне история нужна. И название. Тонкое и емкое, как в статьях Ждана. Без пошлого кликбейта.

Тонкий намек и легкое подхалимство.

– Только попробуй воткнуть мое лицо в ролик, – пригрозил я.

– Окей, босс, – Аня шутливо подняла руки. – Ну скажи, скажи свое слово...

Я вздохнул, вздохнул снова и улыбнулся.

– Аня, это было жутко до припадка. Я в первый раз в жизни испугался так сильно, признаю и стыжусь. Но это было... самое крутое приключение для блога!!!

Аня подняла руку и хлопнула меня по раскрытой ладони.

– Истерика прощается. Ты все еще босс. Пишем сценарий!

– Это без меня, – Максим снова обул сапоги. – Кстати, я там для вас прихватил подарок. В сумке посмотрите.

Он подтолкнул ее ко мне ногой. Не ожидая подвоха, я потянул молнию, но едва увидев круглый, усеянный мелкими зубами рот, отшвырнул от себя сумку. Она ударилась о сапоги Максима и завалилась на бок. Оттуда показалась мелкая пластмассовая рука.

– Ты припер это?

– Да, а что? – Максим продолжал улыбаться, застегивая сумку. – Думал, пригодится для ваших видео. Если не нужно – я выкину ее сейчас в первую же мусорку. Хотел пошутить.

Он виновато пожал плечами, подмигнул Ане и исчез за дверью.

Мы ненадолго остались вдвоем. Аня молчала, я слышал только шелест перелистываемых фотографий и видео. Я тоже молчал и мне было неловко. Аня вдруг обнаружила, что все еще сидит в куртке.

– Отвернись, я переоденусь, – сказала она.

Я повернулся вместе со стулом и уставился в угол, из которого на меня смотрел хмурый портрет поэта в шляпе. И думал о том, что снова повел себя как идиот.

– Поможешь мне? – спросила Аня и прежде, чем я обернулся уточнила. – С материалом.

– Конечно. – пообещал я. – С меня статья и сценарий. С тебя монтаж.

– Это будет бомба, Ждан! – она шелестела одеждой и гремела дверками шкафа. – Под промо уже полторы тысячи реакций. Ждать нельзя. Я все.

Я поднялся. Аня уже была в теплом халате и успела распустить волосы. Хоть и короткие, они неровными прядями касались ее плеч и требовали душа.

– Аня, извини за то, что напугал вас.

Она пожала плечами.

– Такое бывает. Я понимаю, – она подошла и неловко погладила меня по плечу.

– Нет не понимаешь. Я никогда ничего не боялся. С того дня, как услышал смех в пустой квартире, а это были лишь тонкие стены. Или даже раньше – когда увидел неоновую луну... Для меня все это – не реальность, а выдумки таких же блогеров как я. И тут как дурак поверил в куклу – миногу. Еще чуть не психанул на Максима.

– Это же была просто шутка, ты ведь понимаешь? Нет, не Максима. Кто-то до нас приехал сюда – такие же блогеры, только идиоты. Оставили эти муляжи в городке для атмосферности, ну или своих криповых фотосессий.

– Просто куклы, – сказал я.

– Разумеется. Можешь спокойно идти отдыхать и готовиться к своему свиданию. Только про сценарии не забудь, а то, хоть ты и босс, я тебе сверну шею, Ждан.

А потом настала долгая ночь. Нет не полярная – время полярных ночей в этом городке уже закончилось. Просто село солнце, оставив после себя сине-черное небо и искристую изморозь в воздухе. Море слилось с небом в один сплошной океан, по которому плыли облака и возвращающийся баркас. А после казалось, что рассвет не наступит никогда. Время тянулось бесконечно долго.

Я давно закончил сценарий, но Аня не пришла за ним, и я отправил его на почту, получив в ответ короткое «спасибо». Пару раз выходил на открытую террасу и смотрел на крупные звезды. Хотелось увидеть, как полыхает зелено-красное зарево северного сияния, но небо оставалось угрюмо-фиолетовым. За изгибом берега сверкали огни другого отеля, а слева от него должны были тлеть тусклые угольки окон Дашиного дома, но я никак не мог их разглядеть – прожектор баркаса и большие окна гостиницы светили ярким светом прямо в глаза. Хотелось пойти туда прямо сейчас, пусть даже с цветочком, свернутым из бумаги и постучать в окно, на котором застыли в глубокой смоле парусники и маяки. Потом глупо улыбаться, наблюдая как Даша растерянно запахивает пальто и удивленно смотрит на меня. И все это время придумывать себе оправдание для позднего визита. Нет, пожалуй, хватит идиотских поступков на сегодня.

Возвращаясь, столкнулся с Аней в коридоре. Она сидела на подоконнике и куталась в вязанную кофту. От нее пахло дешевым виски и дорогими духами. Рядом лежал и беззвучно мерцал тусклым экраном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.